

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Младость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805145

Аннотация

«В доме Мацневых на Посадской улице. Четверг Страстной недели, сияющий апрельский день; время к заходу солнца.

Просторный, провинциально обставленный зал-гостиная; у окон много зимних цветов, среди коих фуксия и уже зацветшая герань. Одно окно выходит в стеклянный коридор, идущий вдоль всего дома и кончающийся парадным крыльцом; другие четыре окна выходят на улицу – немощеную, тихую улицу, с большими садами и маленькими мещанскими домишками. Сейчас все заняты тем, что выставляют первую зимнюю раму. Собрались: сам Мацнев, Николай Андреевич, высокий, полный, красивый еще человек, со смуглым цыганским лицом; видимо, обычно носит русский костюм, но сейчас домашне и привычно распушен: красная шелковая, полурасстегнутая в ворота рубашка без пояса, широкие черные шаровары, внизу завязанные тесемочками...»

Содержание

Первое действие	4
Второе действие	35
Третье действие	62
Первая картина	62
Вторая картина	79
Четвертое действие	96

Леонид Николаевич Андреев Младость

Повесть в диалогах

*К постановке автором
не разрешается*

Первое действие

В доме Мацневых на Посадской улице. Четверг Страстной недели, сияющий апрельский день; время к заходу солнца.

Просторный, провинциально обставленный зал-гостиная; у окон много зимних цветов, среди коих фуксия и уже зацветшая герань. Одно окно выходит в стеклянный коридор, идущий вдоль всего дома и кончающийся парадным крыльцом; другие четыре окна выходят на улицу – немощеную, тихую улицу, с большими садами и маленькими мещанскими до-

мишками. Сейчас все заняты тем, что выставляют первую зимнюю раму. Собрались: сам Мацнев, Николай Андреевич, высокий, полный, красивый еще человек, со смуглым цыганским лицом; видимо, обычно носит русский костюм, но сейчас домашне и привычно распущен: красная шелковая, полурасстегнутая в ворота рубашка без пояса, широкие черные шаровары, внизу завязанные тесемочками. Вместо сапог – туфли. Ему всегда жарко. Александра Петровна, жена, добрая и всегда озабоченная. Старшая сестра Мацнева, вдова, одинокая женщина с характером – зовут все тетей Настей; и стоит и ходит, заложив руки в бока, курит. Гимназистик Вася, грязный, замусоленный, видно, что сейчас только возился в какой-то грязи; карманы оттопыриваются от бабок. Взволнован больше всех и всем лезет под ноги. Две взрослые гимназистки, семиклассницы: дочь Надя, скромная, тихая, мечтательная девушка, влюбленная в подругу, – и подруга Зоя Николаевна Пастухова. Дворник, он же и кучер Петр.

От одного окна цветы отодвинуты, и Петр, взгромоздившись на подставленный стол и тужась, тянет за веревку, продетую в кольцо на верхней перекладине рамы. Александра Петровна со страхом смотрит на раму и время от времени поднимает руки вверх, как бы готовясь принять свалившегося

Петра и раму. Тетя Настя, самостоятельно заложив руки в бока, смотрит иронически. Гимназистки в стороне.

Мацнев. Да ты тяни, а не мусоль! Ну?

Петр. Да она не падает, Николай Андреич. Боюсь, как бы веревка не оборвалась, тогда я вам таких дров наделаю. – Не идет, говорю.

Александра Петровна. Ну, конечно, оборвется. Петр, Петр!

Мацнев. Дай-ка я... Эх, ты, ворона!

Тетя (*иронически*). Сам собрался – да тебя, батюшка, и стол-то не выдержит.

Вася. Пусть папа, – папа, полезай! Лезь, папа.

Мацнев (*пробует стол*). А ведь – правда, не выдержит. Петр, принеси-ка стол из кухни.

Александра Петровна. Да не надо, Николай Андреич. Ну, что ты собрался к вечеру рамы выставлять, еще захламляет.

Вася (*возмущенно*). Ну, что ты, мама, говоришь! Такая жара, а она...

Тетя. Уж оставь его, Саша: приспичило. Петр, а ты и правда на голову-то не свались, не легонький!

Петр (*тужась*). И свалишься!

Вася. Папа, пусть он вожжи возьмет. Новые, они крепкие.

Мацнев. Не мешай, Васька! А и то правда: принеси-ка, Петр, вожжи. Старые возьми.

Вася. Нет, новые! Новые, Петруша, возьми.

Александра Петровна. Да не мешай ты, Вася.

Петр (*выходя*). Лодыжки-то рассыпал, подбери, – игрок!

Вася. Где? (*Подбирает, толкая сестру.*) Пусти, Надька, под тебя закатилась. Да пусти ты, когда тебе говорят: расставилась, как барыня!

Надя. Ну, и выражаешься ты, Васька.

Мацнев. Васька! Не выражайся.

Вася. А чего ж она?

Мацнев (*делая вид, что сконфузился за свой костюм перед барышней*). Ах, простите, что я без галстука.

Как будто хочет поднять подол рубашки и закрыть им шею. Вася хохочет.

Надя (*смущенно*). Ну, ты всегда, папа.

Александра Петровна. Оставь, Николай Андреич!

Вася. Я тоже без галстука. Смотрите.

Поднимает вверх куртчонку, опять вываливаются бабки.

Надя. А у вас уже выставлены рамы, Зочка?

Зоя. Нет, у нас они просто как-то открываются. Николай Андреич, а правда, что сегодня очень хороший день?

Мацнев. Правда, Зоенька, правда святая. – А ну-ка, Петр! – А ты где был, Всеволод, помогай.

С Петром вошел старший сын, Всеволод, студент.

Всеволод. В саду яблони окапывал. Что выстав-
лять? Можно.

Вася (*с диким пафосом поет*). «Выставляется пер-
вая рама, и в комнату шум ворвался...»¹

Александра Петровна. Да замолчи ты, Вася, оглу-
шил!

Мацнев. Васька! – Продел, Петр?

Петр (*тужась*). Готово. Э – ты! не идет.

Всеволод. Пусти-ка, Петруша.

Вскакивает на стол.

Александра Петровна. Не надо, Севочка, упа-
дешь. Скажи ему, Николай Андреич!

¹ «Выставляется первая рама, и в комнату шум ворвался...» – на-
чальные строки из стихотворения (без названия) А. Майкова (1854).

Тетя. Теперь уже молчи, Саша. Герои! В молчании Всеволод тянет вожжи, постепенно вытягивая раму; Вася тянет также за свободный конец вожжи; все глядят вверх; Петр и Мацнев, подняв руки, поддерживают и принимают отлипшую раму.

Вася (*кряхтит*). Здорово!

Взволнованное молчание. Петр выносит раму, все невольно толпятся к окну, отодвигают стол; Мацнев старается распахнуть окно.

Александра Петровна. Погоди, Коля, дай хоть замазку смахнуть.

Мацнев. Ладно. Смаживайте.

Распахивает окно. В комнате сразу становится просторно и светло: почти видно, как льет весенний воздух. И слышны уличные весенние голоса, хлопанье кур и отдаленные веселые крики играющих во что-то ребят. Мацнев раздувает ноздри: так нравится ему воздух. Вася лезет к окну, но его оттесняют.

Тетя. И правда, теплынь. Слава Богу, вот и опять дождалась тепла – да ты что, Вася, прямо на ноги лезешь, у меня, голубчик, мозоли!

Вася. Я нечаянно!

Мацнев высунулся в окно и смотрит.

Всеволод (Зое). Хотите подойти?

Зоя. Спасибо. Надя, ты хочешь?

Вася. Да пустите вы меня!

Александра Петровна принесенной тряпкой смахивает с окна замазку, убирает вату. Ей помогает и тетя Настя.

Тетя. Пусти на минутку, Коля. Вася, отойди.

Александра Петровна. Господи, да когда же ты перестанешь лезть, Вася! Скажи ты ему, отец.

Мацнев. Не мешай, Васька!

Вася. Никому я не мешаю, это вы мне мешаете!

Вдруг плачет с ревом, распуская карманы с бабками, весь обмокая.

Только и слышу: Васька, не мешай! Только и слышу! Как сами, так хотите смотреть, а как Васька подошел, так...

Мацнев (не оглядываясь). Ну, ну – взревел.

Вася. Тут взрешь! Как сами, так хотите, а как я

подошел раз... нюхнуть, так вам не хватило!

Александра Петровна. Ну, перестань, ах, вот же глупый! Ты целый же день по улице бегаешь. Ну, и нюхай, дай только пыль стереть.

Вася. Знаю, какая это пыль! Как сами...

Александра Петровна. Видишь, что и папа ждет. Ну, и нюхай, – ах, какой глупый!

Вася. Надька, не смейся!

Всеволод. Вот глупый Васюка. – Пойдемте в сад, пока здесь приберут.

Зоя. Пойдемте. Вы деревья окапываете? От вас землей пахнет.

Всеволод. Да так. В земле копаюсь.

Надя (*выходя с остальными*). Идемте. Он сегодня оттого злится, что в бабки проиграл. Приготовишка!

Вася (*яростно*). Врешь, окаянная!

Александра Петровна. Ну, Вася, – да что это с тобой? Ты что, белены объелся?

Вася. А чего ж она!

Теперь в комнате трое: сам Мацнев, который, облокотившись на подоконник, молча и жадно смотрит на улицу, мать и Вася.

Мацнев (*не оборачиваясь*). Ну, иди уж, Васька.

Вася. Тут даже негде, ты все окно загородил.

Мацнев (*подвигаясь*). Становись. – Ты вот что, мать, – ты вот что: дай-ка мне сюда стаканчик чайку. Хочь попить со свежим воздухом.

Александра Петровна. Не простудись, Коля.

Мацнев (*нетерпеливо*). Ничего, ничего. Неси.

Александра Петровна. Сейчас, самовар уж готов. – Ты что шепчешь, Вася? Я не слышу.

Вася (*шепчет, умоляя*). Мамочка, ну, Христа ради, дай и мне стаканчик чайку сюда, я с папой. Мамочка, если ты не дашь!..

Александра Петровна. Спроси отца. Николай Андреич, можно ему чаю сюда, я жиденького?

Мацнев (*равнодушно*). Незачем.

Вася. Ну, папочка!

Мацнев. Дай. Ну, иди сюда, клоп.

Садится на стул у окна, Вася стоит подле в заискивающей позе, говорит льстиво.

Вася. Тебе нравится, папа?

Мацнев. Нравится. А тебе?

Вася. Мне тоже. Мне очень.

Мацнев. Что ж тебе нравится? Улица? – Вася. И улица, и разное.

Мацнев. А давно ты улицу видал?

Вася. Так это совсем другое дело: отсюда смот-

реть!

Мацнев. Красивее?

Вася. Понятно, красивее.

*Александра Петровна сама приносит два стака-
на чаю.*

Мацнев. Спасибо, мать. Слышишь, как ракитой пахнет, цветет уже. Хорошая, мать, весна.

Александра Петровна. Она всегда, Колечка, хорошая.

Мацнев. И Пасха будет хорошая. Поцелуй-ка меня в голову, мать. А Васька-то?

Александра Петровна. Ну, если только он мне простудится...

Вася. Не простужусь, не таковский.

Александра Петровна. Вот увидим, каковский ты. Ну, пейте, пейте. И не обжигайся, Вася.

Выходит. Отец и Вася молча, оба с блюдечек, пьют чай. Вася пьет благоговейно и несколько подобострастно.

Вася. А как чай пахнет с воздухом. Хорошо, папа?

Мацнев. Хорошо. Васюк, *ты* рад, что две недели гулять? Постой, сегодня четверг?

Вася. А то что же? Сегодня из церкви со свечками пойдут. А ты рад?

Мацнев. Чему?

Вася. Что тоже гулять?

Мацнев. Тоже рад.

Вася. Все рады. Папа, а ты знаешь, чьи это куры?

Мацнев. Нет, а чьи?

Вася. Ей-Богу не знаешь? Совсем не знаешь?

Мацнев. Нет. Та, куцая, что-то знакомая, где-нибудь встречались.

Вася *(хохочет)*. Встречались! Да это наши!

Мацнев. Да ну?

Вася. Да ей-Богу же! Честное слово! А он смотрит и не знает, говорит, знакомая.

Мацнев. А кто ей хвост выщипал? Не ты?

Вася. Конечно, я этим не занимаюсь. Да наша же Жучка и выщипала. – Папа, я выпил.

Мацнев. На здоровье.

Вася. Папа, а тебе не скучно будет, если я пойду? Ты один посиди.

Мацнев. А что, дела есть?

Вася *(вздыхнув)*. Есть. Ты не скучай, маму позови. А мне нельзя. Хочешь, я велю тебе еще чаю принести. Пей. Хочешь?

Мацнев *(в тяжелом раздумьи)*. Да как тебе сказать, Вася, чтобы не соврать?

Вася (*нетерпеливо*). Ну?

Мацнев. Конечно, – с одной стороны, отчего и не выпить?

Вася. Ну да! Только говори скорее! А с другой?

Мацнев. Но, с другой, если вдуматься – понимаешь, вдуматься...

Вася. Ну?

Мацнев. А с другой... (*Смеется.*) Ну, вели, вели. Пстой: стакан захвати!

Вася выходит со стаканом. Мацнев один, смотрит в окно, тихонько напевает на мотив Васькиного пения: «Выставляется первая рама...»

Входят Надечка и Зоя.

Зоя. Все в окно смотрите, Николай Андреич? А я к вам проститься, домой иду.

Мацнев. Что ж так рано, Зоенька? Мало вы сегодня у нас покрасовались.

Зоя (*улыбаясь*). Надо, ждут. Какой у вас красивый сад – неужели это правда, что вы сами весь его насадили?

Мацнев. Сам.

Надя. Я тебе ж говорю, что сам. Теперь веришь?

Мацнев. До меня, как я эту землю купил, тут огород был, капусту садили. А что, хорош?

Зоя. Очень хорош. Но вы такой еще молодой, а деревья совсем большие. Скоро они зацветут – какая у вас будет красота! Я к вам буду приходить к экзаменам готовиться, можно? Меня Надечка зовет.

Надя. О чем ты папу спрашиваешь? Смешная!

Мацнев (*улыбаясь*). Приходите. Одним цветком будет больше. Ах, простите, что я без галстука!

Надя. Ты опять, папа! – Папа, мы с ней сегодня вместе к стоянию пойдем.

Входит со стаканом чаю Александра Петровна.

Александра Петровна. С Зоей Николаевной? Но я сама с тобой вместе хотела, как же ты так! Придется нам вдвоем с теткой, видно... ну, ничего, зато и скорее будет, мы с ней на лошади поедem. А Сева не с вами, взяли бы вы его!

Надя. К нему сейчас Нечаев придет. Они для нас слишком важны!

Зоя (*улыбаясь*). Нечаев не важен.

Александра Петровна. Нечаев придет, как же это? А в доме никого не будет, так они и будут в пустом доме сидеть? Марфа тоже к стоянию идет, я ей обещала, им и самовара подать некому. Или мне остаться?

Мацнев. Пустяки, Саша, иди себе. И так посидят. А вы вот что, Зоенька, после стояния вашего приходите

с Наденькой к нам, Нечаев нам на гитаре сыграет...

Александра Петровна. Да что ты, да разве сегодня можно? Опомнись, Коля!

Мацнев. А что, нельзя? Ну, так, если гитары мать не позволяет, я галстук надену, усы нафабрю – приходите.

Надя. Папа в тебя влюблен (*шепотом, страстно*), Зойка, приходи! Непременно, слышишь!

Мацнев. Папа влюблен. Влюблен папа, только маме не говори.

Александра Петровна. А маме что! Приходите, Зочка, приходите.

Зоя. Право, не знаю, постараюсь. У вас так хорошо, что, вероятно, приду, если дома только не задержат. На наших улицах, среди камня, даже весны как-то незаметно – вы бы так не могли жить, Николай Андреич?

Мацнев. Не мог бы, Зоенька. Я первобытный человек: на краю города еще могу, около города еще помещаюсь, а в самую вашу гущу залезть – сдохну.

Надя. Папа ни за что не стал бы жить в городе, если бы не служба. Ну, надо идти, Зочка! До свидания, мама.

Целуется с матерью, Зоя прощается, уходят.

Александра Петровна. У них свой дом на Дворянской и тоже сад, Надя говорит. Вот странно, Коля: семь они лет вместе учатся и как будто друг друга не замечали, а этот год водой их не разольешь! Мне она тоже нравится, воспитанная девочка, но чтобы так влюбиться в нее, как наша Надя...

Мацнев. Куда ты, Саша? Посиди, поговори.

Александра Петровна. Да некогда мне, Колечка, насчет ужина надо еще распорядиться, ведь мы сейчас идем с тетей... *(Выглядывает в окно.)* А и правда, как хорошо пахнет! – ракита эта, что ли? Хорошо!

Мацнев. Сядь. Ракита. А ты видала, какие у нас завязи на сирени?

Александра Петровна. Ну, рано еще!

Мацнев. А ты посмотри-ка, Саша, взгляни-ка: Мишка Додончик начал крышу перекрывать, да так и не кончил: теперь Пасху так простоит.

Александра Петровна. Да и то! Вот пьяница! – Надо идти мне, Коля, кажется, к Первому Евангелию звонили уж.

Мацнев. Поспеешь, Саша, а на будущий год я решил: бросаю банк – и в деревню. Мне Иван Акимыч говорил: есть тут одно именье десятины семьдесят, но пречудесное... Вот бы! Саша!

Александра Петровна. А дом?

Мацнев. Продам, конечно.

Александра Петровна. Жалко будет, Коля, при-
выкла я!

Мацнев. Там я еще лучше устрою. А тут что нам
делать одним? Всеволод в Москве, Надя осенью туда
же, ну, а Ваську у дяди устроим...

Александра Петровна. Это верно: Петр с удоволь-
ствием его возьмет. А на лето к нам. Да и те приедут,
старшие – им тоже будет хорошо.

Мацнев. Саша, а тишина-то какая, а ширь-то какая.
Хорошо у нас, а все город, а там вот теперь, когда
солнце заходит... Или пойти по меже среди зеленой...
Тесно тут!

Александра Петровна. И не говори – а я разве не
отдохнула бы? Вот теперь Пасха, гости, голову поте-
ряешь. Марфа-то наша и куличей поставить сама не
умеет... Ты говоришь: сирень, а я и в сад-то сегодня
зайти не могла, все некогда!

Мацнев. А ты все-таки зайди. – А хорошо бы еще
на свете пожить, Саша! Годков так бы тысячу!

Александра Петровна. Куда нам столько! – Слы-
шишь: опять у Михаила Архангела звонят. Надо идти.

Молчание. Оба задумались.

Коля!

Мацнев. Что?

Александра Петровна. Что-то, мне кажется, лицо у тебя почернело последнюю неделю? Может быть, это только от воздуха, а я все-таки боюсь.

Мацнев. Волка бояться, в лес не ходить. (*Вздыхает.*) Эхма, кабы денег тьма: купил бы собачку и весь день брехал бы на нее!

Заметно смеркается. Входит тетя Настя.

Тетя. Саша, ты что же это? Я тебя по всему дому ищу, а она расселась! Одевайся, матушка, пора, для тебя поп на бис петь не станет!

Александра Петровна. Да вот этот заговорил. Сейчас!

Мацнев. Да куда вы, стрекозы! Успеете еще. Настя, а скажи-ка про Всеволода: хорош? Видала, как девичьи на него посматривают? Что ж, язва, молчишь!

Тетя. Герой!

Мацнев. А я уж и не герой?

Тетя (*подходя ближе и кладя руки в бока*). Ты, Коля, – я прямо это скажу – в его года такой был, что все от тебя с ума сходили!

Мацнев. В воду бросались – сколько тогда утонуло, я помню!

Тетя. В воду не бросались, а по бережку ходили. Вот она тебя не знала, а ведь все это на моих глазах,

Николай Андреевич, было!

Мацнев (*посмеиваясь*). Всю жизнь за мной шпио-
нишь: дал Бог сестру!

Тетя. Бог, а то кто же? Это мужа иногда или жену
черт дает, а сестру всегда Бог. Моего Сергея Марко-
вича черти у всех на глазах ко мне привели, только
я одна не замечала. Говорит, бывало, покойничек, на-
пившись: что это, Настя, все черти около нас вьются,
а мне и невдомек, что это сваты наши... тьфу, тьфу,
согрешила! Если бы ты, Коля, пораньше пить бросил,
да не прожигал бы жизнь, как солому, да не...

Мацнев. Поехала! Ты с горы-то осаживай. Полегче!

Тетя. И поеду! Она тебя не знала...

Александра Петровна. Да что ты, Настя, в самом
деле: как это я его не знаю?

Тетя. А так, что и не знаешь. Твой Всеволод – пач-
кун перед ним! У Коли взгляд был орлиный, всегда
немного исподлобья, гордый: ко мне не подходи, я сам
все вижу, спуску никому не дам...

Александра Петровна. Да и Всеволод исподло-
бья. А мне это и не нравится! Взгляд должен быть от-
крытый, ясный, светлый...

Тетя. Много ты смыслишь, Саша! Вот у моего Мар-
кыча взгляд был не только что светлый, а прямо-таки
луженый, а кроме чертей, прости Господи, никого не
видал. Рассердилась я раз, взяла его за вихор и са-

ма его в часть повела. Показываю ему на каланчу: это что, голубчик? А он задрал голову вверх, посмотрел и говорит: полбутылки. Хоть бы бутылка сказал!

Мацнев смеется, Александра Петровна сердита.

Александра Петровна. Твой Сергей Маркыч был очень добрый человек. А вот вы вдвоем всегда против меня, даже детей не смею любить...

Мацнев (*улыбаясь, гладит ее по плечу*). Не глупи, Сашенька...

С готовым ревом вбегает Вася.

Вася. Папа, пусти меня, они меня, эти, не пускают! я тоже к стоянию пойду. Папочка, пусти! Мне Петруша фонарик для свечки сделал, я целый год собирался, только и думал... Пусти!

Мацнев. Ну, взревел – перестань. Тебе говорю. От чего его не пускаете – пусть идет. Ступай.

Александра Петровна (*решительно*). Ну, тогда пусть с нами едет, иначе не пущу.

Вася (*с новым сильнейшим ревом и так же решительно*). Тогда не надо мне совсем, не поеду я с вами, с такими. Какая я вам компания? Мне Петруша фонарик, я с фонариком...

Александра Петровна. Да поздно назад, поздно, тебе говорят! Темно.

Вася. Всем человекам не поздно, а мне поздно. Я фонарем дорогу освещать буду. Папа, скажи им!

Мацнев. Да пусть идет. Иди, – не реви только, как осел.

Вася. Нет, ты что мне, – ты им скажи!

Мацнев (*смеется*). Сказал, видишь, – побледнели. Ну, проваливай.

Вася (*убегает*). Не выгорело, тетки!

Александра Петровна. Да что ж это такое – прямо белены объелся! Балуеть ты его, отец.

Мацнев. Это он в первобытное состояние обратился. Ничего!

Тетя. Герой!

Александра Петровна. Его теперь за книгу...

Мацнев. Что? А вот я с вами так поговорю.

Внезапно охватывает обеих за плечи и начинает жать так, что обе пищат.

(Как будто не слыша.) Ты что говоришь, Саша – не слышу? А ты что говоришь, Настя? Что? Не слышу. Кто не пускает?

Входят Всеволод и Нечаев, офицер. Мацнев вы-

пускает женщин, те бранятся, оправляются. Здороваются.

Тетя. Как был медведь, так медведем и остался.

Александра Петровна. Задушил совсем. Здравствуйте, Корней Иваныч.

Тетя. Видите, молодой человек, как из теток дуги гнут – вот поспорьте с таким героем. Или вы тоже героиней?

Нечаев. Разве только по долгу службы, Настасья Андреевна. Выставили окошечко, Николай Андреич, посиживаете? Ах, до чего хорошо у вас тут, словно в деревню попал. Какой воздух, какая ясность красок!

Тетя. Ну, мы поплелись, Коля. Идем, идем, Саша, – к шапочному разбору.

Уходит.

Мацнев. Идите, идите. – Правда, хорошо?

Нечаев. Замечательно! И в саду у вас такое величие: трудно поверить, что до Рядов всего полчаса ходьбы.

Мацнев. Двадцать пять минут.

Всеволод. Ну, это, папа, как шагать! А чаю ты уж подожди, Иваныч, в доме ни души; впрочем, они скоро вернутся. Пройдемся или посмотрим в окно, как со

свечками пойдут?

Мацнев. Некуда идти, посидите, ребятки. А я пойду по дому и поброжу, потом и чаю попьем. Ты, Всеволод, матери не говори, что я опять пошел в своей шубе на рыбьем меху, браниться будет.

Нечаев. А вам и вправду не холодно, Николай Андреевич? Солнце зашло, посвежело.

Мацнев (с порога). Мне всегда жарко.

Всеволод и Нечаев некоторое время молча ходят по комнате. Курят.

Всеволод. Вот человек! Вот так вот все свои часы он хозяйственной тенью бродит по дому. Теперь в сад пойдет и будет каждую почку пробовать, потом по сараям; на днях я полез зачем-то на чердак, – а он там стоит и в слуховое окошечко смотрит. И так он может смотреть по целым часам.

Нечаев. Свое царство!

Всеволод. Мало уж очень его царство, он большего заслуживает. И особенно это у него весной; мне кажется иногда, что он тоскует о чем-то.

Нечаев. А подойти?

Всеволод. Нет, как можно! Он никогда о своем не говорит, так и умрет, пожалуй, не сказавши.

Нечаев (беря его за руку). Как и ты, Сева?

Всеволод. Ну, я-то еще говорю. Разве тебе я мало сказал?

Нечаев. Много. Но и я тебе все сказал, Сева. Мы – одна душа, правда? Послушай, как по-твоему: хорошо? «На заре туманной юности всей душой любил я милую...»²

Всеволод. Чье это?

Нечаев (*поднимая остерегающе палец*). «Всей душой любил я милую. Был в очах ее небесный свет, а в груди горел огонь любви». Нет, правда, хорошо?

Всеволод. Хорошо. – Да – и все мне кажется, что он, отец, моложе меня: во мне есть какой-то холод, какая-то темная печаль...

Нечаев. Опять, Всеволод?

Всеволод. Все время, и днем и ночью. – А если он тоскует, то разве только об уходящей жизни... Какое сокровище, подумаешь! Недавно купил он у Рейхерта зрительную трубу, и они вдвоем с Васькой по целым дням сидели на крыше: окрестности в трубу разглядывали! А мать снизу смотрит на них и все боится, как бы не свалились.

Нечаев. Нет, это трогательно. Всеволод, это очень

² «На заре туманной юности всей душой любил я милую...» – начальные строки романса А. Л. Гурилева, написанного на слова стихотворения А. В. Кольцова «Разлука» (1840). «На заре туманной юности» – один из первоначальных вариантов названия пьесы «Младость».

трогательно! Какая, значит, жажда смотреть! Какая, значит, потребность расширить горизонт и... Нет, непременно попрошу Николая Андреича взять меня на крышу... Он не обидится?

Всеволод. Нет, конечно. – Между прочим: ведь наши все совершенно не догадываются о том, что со мной происходит. Спокойны.

Нечаев. А что, Сева – неужели ты и до сих пор?

Молчание. Почти стемнело. Вдали несколько монотонных ударов колокола.

Всеволод, скажи, я не ошибаюсь – самоубийство?

Всеволод. Я уже давно говорил тебе. А ты что же думал, Корней?

Нечаев. Не сердись! Нам последнее время совсем не удавалось поговорить...

Всеволод. Не удавалось? – Странно! Как же это может случиться, чтобы друзьям, у которых одна душа, не удавалось поговорить? Кстати: ты отчего вчера не пришел? Ты ведь обещал?

Нечаев. Ты ждал меня?

Всеволод. Ждал.

Нечаев. Да, ты прав, Всеволод, я виноват, я слишком много таскаюсь по людям, занимаюсь пустяками. Но ты знаешь, что я человек слабый, даже совсем

слабежь – не то, что ты; и один, без людей, я просто не мог бы вынести того, что во мне.

Всеволод. А разве ты один?

Нечаев. Прости, опять не то. Ерунда, ерунда!

Молчание.

Сейчас я встретил Зою Николаевну с твоей сестрой, к стоянию пошли.

Всеволод. Да, я знаю. – Ты вчера гулял с нею в городском саду?

Нечаев. Да, случайно встретил. (*Решительно.*) Гулял.

Всеволод. Оттого и ко мне не пришел?

Молчание.

Лампу не зажечь, темно?

Нечаев. Нет. – Какая у вас в доме тишина!

Всеволод. Никого нет, все в церковь ушли.

Нечаев (*подходя к окну*). И на улице тихо. (*Вздыхает.*) Какая чудесная тишина!

Молчание.

Всеволод. Ты говоришь, Корней Иваныч: одна ду-

ша – но, кажется, ты совсем не знаешь, что такое дружба. Вот сейчас ты, вероятно, подумал, что я ревную к тебе Зою, как влюбленный мальчишка, но это неправда. Я давно уже сказал тебе, что совсем и навсегда я отхожу от этой девушки, с которой мы никогда и не говорили даже, и что ты...

Нечаев. Послушай, Всеволод!

Всеволод. И что ты в твоём отношении к ней совершенно свободен. Я говорил это?

Нечаев. Говорил. (*Тихо.*) Но мне это не нужно.

Всеволод. Дело твоё.

Молчание.

Нечаев. Всеволод! Я человек мелкий, я человек ничтожный, сознаю это, и в этом невыносимое страдание моей жизни – тебе это известно. Но я никогда не позволю себе взять девушку, которую ты так великодушно...

Всеволод (*резко*). Она не моя, и я не могу её давать. Бессмыслица! Но если *бы я... если бы я* мог давать её кому хочу, то – знаешь, кому бы я дал? – Отцу. Нет, не подумай, пожалуйста, что отец влюблен, пустяки – но если бы ему было столько лет, как мне, – он любил бы её. И она любила бы его, а не нас... что мы для неё! И если я решил покончить с собой...

Нечаев. Решил?

Всеволод. То не потому, что я влюблен, – что мне до этой женской, земной, человеческой маленькой любви, которая никогда не ответит мне: зачем я живу! Другие видят, а я смысла в жизни не вижу, Корней! Для всех весна, а у меня весной такая невыносимая, острая, мучительная тоска – зачем все это, когда я умру, сдохну, как последняя собака, умру, как скоро умрет мой отец! Для всех цветы – а для меня это цветы на чьем-то гробу! Сейчас весь город радуется, молится, в весенней тишине ждет какого-то благодостного откровения, а для меня... Зачем? Зачем все это? И неужели ты думаешь, что для меня может что-нибудь значить любовь Зои, твоя измена? Только немного больше тоски, лишняя бессмысленная слеза – и больше ничего.

Нечаев. Прости! Прости меня, Сева! Я не знал, что тебе так больно, что ты так мрачен, друг мой!

Всеволод. А откуда же тебе знать? Странно! Когда твой друг в одиночестве грызет себе пальцы от смертной тоски – ты гуляешь в саду с какой-то девчонкой! Миленькая жизнь, в которой такие друзья! Когда-то ты говорил, клялся, что всюду, в жизнь и в смерть, мы пойдем вместе, что ты никогда не оставишь меня одного, – а теперь ты гуляешь по саду? Хорошо там было, Корней? – Одна душа!..

Нечаев. Какой я подлец!

Всеволод. По крайней мере, вы могли бы подождать, пока я покончу с собой.

Нечаев. Всеволод!

Всеволод. Что?

Нечаев. Ты меня презираешь?

Молчание.

Может быть, мне уйти, Всеволод?

Всеволод. Зачем же. Посиди. Сегодня у нас будет Зоя Николаевна.

Нечаев, уже взявший фуражку, кладет ее и решительно садится на место.

Нечаев. Хорошо, я останусь.

Продолжительное молчание. Входит Мацнев, не сразу замечает сидящих.

Всеволод. Папа!

Мацнев. Фу-ты: сидят и молчат. Что это вы, ребята? Отчего свету не зажжешь, Сева?

Всеволод. Нам и так хорошо. Зажечь?

Мацнев. А вам хорошо, так я и не жалуясь. (*Под-*

ходит к окну.) Какой теплый вечер, завтра все выставим. Корней Иванович, приходите-ка завтра утречком рамы выставлять, мы без армии не обойдемся.

Нечаев. С удовольствием, Николай Андреич. Приложу все силы.

Мацнев. Сейчас и со свечками пойдут. А заря-то еще горит, как поздно солнце заходит! Всеволод, это ты на правой дорожке яблони окопал или Петр?

Всеволод. Я. А что?

Мацнев. Ничего, хорошо.

Нечаев. Николай Андреич, мне Всеволод говорил, что у вас есть хорошая зрительная труба, можно как-нибудь посмотреть?

Мацнев. Когда угодно, хоть завтра. От нас весь вокзал как на ладони. Мамонтовская роща видна... Смотри, Сева, – вон и первая свечечка показалась!

Всеволод (*выглядывая в окно*). Быстро идет. Ветру нет, не гаснет.

Мацнев. Тишина. – Попоете сегодня, Корней Иванович? Мать будет ругаться, но мы ее обработаем. Сегодня и Зоя ваша будет. Как это, кажется, у Пушкина: «Зоя, милая девушка – ручка белая, ножка стройная...»³ Соврал, кажется. Так споете?

³ ...у Пушкина: «Зоя милая девушка – ручка белая, ножка стройная». – Здесь: свободный пересказ строк из стихотворения А. С. Пушкина «Бова (отрывок из поэмы)» (1814):...Зоя, милая девица, Ангел станом, взором,

Нечаев. С наслаждением, Николай Андреич.

Всеволод *(спокойно)*. Он новую песню знает: «На заре туманной юности всей душой любил я милую...»
Как дальше?

Мацнев. Какая же это новая, и я ее знаю. Старая.

Нечаев. Про меня, Николай Андреич, товарищи в полку говорят: гитарист и обольститель деревенских дур, он же тайный похититель петухов и кур...

Мацнев. Сильно сказано. Господа, а ведь это Васька – он! *(Кричит в окно, не получая ответа.)* Васька! – Всех опередил. Сейчас, значит, и наши будут, чайку попьем. Посмотрите-ка, вон их сколько показало, как река плывет!

Нечаев *(заглядывая в окно)*. Как красиво, Боже мой! Людей не видно, словно одни огоньки душ!

Мацнев. Правильно.

На пороге показывается с горящей свечой Вася; свеча обернута бумажкой, и весь свет падает на счастливо нелепое Васькино лицо.

Вася. Папа!

Мацнев. Ну?

Вася. Папа! Я...

Медленно, не сводя глаз со свечи, подвигается к отцу.

Папа! Донес! Первый! Мне ребята фонарь разорвали, а я бумажку сделал. Донес! Только дорогой два раза от старушки зажигал. Смотри!

Далекий гул церковного благовеста.

Второе действие

Конец мая. Полная луна.

Темный профиль невысокой железнодорожной насыпи; самое полотно и даль позади его залиты немерцающим ровным светом месяца. Две высокие березы по эту сторону; стволы их слабо белеют в тени насыпи, а кроны, пронизанные светом, кажутся прозрачными и воздушными. Пешеходная тропинка, идущая внизу вдоль насыпи, в этом месте наискось подымается на полотно. По тропинке – гуськом и по двое – идет гуляющая молодежь: здесь Мацнев, брат и сестра, Зоя, Нечаев, статистик Василий Васильевич, молчаливый, худой человек. Развязный студент в кителе; второй студент Котельников, бородатый, в штатском. Гимназист Коренев, Миша, двоюродный брат Мацневых, и его товарищ семиклассник. Две окончившие гимназистки: хорошенькая Катя и Столярова.

У подъема наверх некоторая заминка; поднявшись – темными силуэтами четко и резко вырисовываются на фоне озаренной светлеющей дали и скрываются налево. Смешанный, негромкий гул голосов; изредка смех. Кто-то впереди на ходу тренькает на гитаре. Поблескивают пуговицы студенческих ки-

телей, погоны Нечаева.

*Мацнев и Нечаев, несколько отделившись, идут
сзади других последними.*

Студент. Господа, наверх! Здесь нет проходу. Наверх!

Голоса. Почему? – Наверх, говорят, надо верхом идти – Котельников, где вы?

На минуту сбиваются в кучу.

Котельников (*спокойным басом*). Здесь, господа, наверх!

Гимназист. Скоро мост, вон уже семафор!

Катя. Голубчики мои, да тут ноженьки все переломашь! Вот вели-вели, да и завели. Столярова, карабкайся!

Голоса. А сторож? – Можно идти, я всегда хожу! – Да нельзя же низом, тут мост, вам говорят!

Корнев. Надя, Зоя Николаевна, что же вы? Внизу нельзя!

*Некоторые уже поднялись, другие поднимаются.
Тот, что с гитарой, впереди.*

Катя (*с полугоры*). Постойте: а поезд пойдет? Я бо-

юсь!

Корнев. Да честное же слово, ничего! Здесь на-
стоящая дорожка.

Гимназист. Идемте же! Ну, что стали!

Котельников. Вон Василь Василич вперед уже
удрал! *(Кричит.)* Василь Василич!

Василь Василич *(не останавливаясь и не переста-
вая тренькать)*. Здесь, иду.

Гимназист *(наверху, скверно поет)*. «Тебя я, воль-
ный сын эфира, возьму в надзвездные края – и бу-
дешь там царицей ми-и-ир...» *(обрывается)*.

Котельников *(спокойным басом)*. «Подруга вечная
моя». – Я пошел!

Все поднялись на насыпь.

Надя. Миша, как ты скверно поешь, тебе не совест-
но?

Корнев *(хохочет)*. Это Скворцов загнул!

Надя. Ну, так извините. Зюечка, я возьму тебя за ру-
ку.

Зоя. Бери. А где же Нечаев?

Студент. Они сзади идут. Не ошархнитесь, Зоя Ни-
колаевна, тут скользко.

Зоя. Нет, пожалуйста, не держите, я сама.

Голоса *(наверху)*. Конечно, здесь лучше! – Какая

красота, матушки мои! – Я давно говорю, пойдёмте по полотну! – Превосходная тропинка. – А сторож? – Да брось ты сторожа, вот привязался!

Гимназист (*кричит*). Василь Василич! Василь Василич!

Постепенно скрываются.

Катя. А я по рельсе пойду! Ох, проклятая!.. Столярова, иди.

Надя. Я тоже. Ой, сразу сорвалась!

Студент. Давайте мне руку.

Надя. Натё.

Катя. Лучше самой и... загадать... сколько пройдёшь. Готово! Сверзилась! Это не считается.

Надя. Пустите руку, я также сама! Катя, я иду!

Студент (*Зое*). А вы не хотите, Зоя Николаевна?

Зоя (*печально*). Мне не о чём гадать.

Студент (*в тон*). Отчего вы так грустны, Зоя Николаевна?

Уходят. На освещённой насыпи пусто. Не торопясь, поднимаются Мацнев и Нечаев.

Мацнев. Куда это они?

Нечаев. Дальше мост, Сева, внизу нет дороги.

Мацнев. Ах, да, я знаю. Как тут красиво наверху. Покурим.

Нечаев. Покурим. – Всеволод, тебе хочется с ними идти?

Мацнев. Нет, а тебе?

Нечаев. Мне тоже. Посидим здесь. Вот на шпалы сядем. – Тебе удобно?

Мацнев. Удобно. Дай спичку.

Нечаев. На. – И дышишь – и будто не дышишь. Как странно! И какая тишина! – Вон семафор.

Мацнев. Да. – Тишина. – В лунном свете есть томительная неподвижность...

Нечаев. Но и красота!

Мацнев. Красота – и томительная неподвижность. Солнце не то, там всегда что-то бежит, струится, а здесь все остановилось. При солнце я всегда знаю, сколько мне лет, – при луне... дай еще спичку, потухла – при луне я словно не имею возраста, жил всегда, и всегда было то же.

Нечаев. Это верно. И разговаривать при луне можно только о том, что было всегда, – правда, Сева?

Мацнев. И будет – правда! Послушай, Корней, – тебе, может быть, хотелось бы к тем? Ты скажи прямо.

Нечаев. Ты все еще мне не веришь? – Постой, кто-то возвращается.

Мацнев. Это Надя. Чего ей надо?

Показывается Надя, издали кричит:

– Господа, что же вы отстали, Сева! Все ждут вас. Корней Иванович! Вы петь обещали, а Василь Васильич всю гитару расстроил.

Нечаев. Отнимите у него! Я потом спою.

Надя. Когда же потом?

Мацнев. Скажи, Надечка, что мы здесь посидим, вас подождем. Идите.

Надя. Господи, как это скучно! Пошли вместе, теперь... Сева, пойдя ко мне на минутку.

Мацнев. Что там?

Надя. Нужно. Неужели тебе так трудно подняться?

Мацнев (*поднимаясь и подходя к Наде, ворчит*).

Глупости какие-нибудь. Ну, что?

Надя (*тихо*). Севочка, отчего ты такой мрачный сегодня? Все замечают.

Мацнев. Кто все?

Надя (*не сразу*). Зоя. Отчего ты не хочешь с нами идти, о тебе все спрашивают.

Мацнев. Так, Надя, оставь. Идите себе.

Надя. И Корней Иваныч сегодня такой странный... Вы не поссорились с ним?

Мацнев. Наоборот.

Надя (*значительно*). Да не из-за чего и ссориться!

Ну, напрасно не идешь!.. *(Кричит.)* Так мы скоро назад, Корней Иванович, вы нас же подождите!

*Быстро уходит. Слышен ее голос: Зоя, Зочка...
Мацнев садится на прежнее место на шпалы.*

Нечаев. Славная у тебя сестра.

Мацнев. Девчонка еще пустая. Она, по-моему, слишком рано кончила гимназию, но учится хорошо, ничего не сделаешь. Совсем еще девчонка. Это не то, что Зоя – Зоя человек.

Нечаев. Да. Зоя человек. – Всеволод, но неужели ты все еще не веришь мне?

Мацнев *(помолчав)*. Не знаю, Иванович. Нет, теперь, кажется, верю. Но тогда, после Пасхи, когда я уехал в Москву...

Нечаев. Я держал себя отвратительно! Ну?

Мацнев. До твоих еще писем – я решил внутренне совсем порвать с тобой.

Нечаев. Неужели решил, Всеволод? Да, да, конечно, ты иначе не мог, ты был прав. Но теперь?

Мацнев. Скажи, Иванович, я не понимаю: ты серьезно любишь ее?

Нечаев. Ах, не в этом дело, Всеволод! Не в том дело, голубчик, серьезно или несерьезно. Если хочешь, я иначе любить даже не умею, как только всей ду-

шой... какой иначе смысл в любви? Иначе мерзость, разврат!

Мацнев. Конечно.

Нечаев. Ну да! Но не в том дело, голубчик! Ты, Христа ради, не подумай, что я так... повернулся весь – от неудач в любви. Что за черт, это было бы совсем отвратительно, гнусно и мерзко. Скажем просто: ведь ты сам решительно и при всяких условиях отказываешься от нее?

Мацнев. Да. *(Вздыхает.)* Но в этом нет заслуги, Иваныч.

Нечаев. Нет, это ты уж оставь! Заслуги! А я был просто глуп, я был мелочен, я просто был скотина, каких полон свет. Именно: скотина! Когда ты уехал, не простившись со мною, – я, брат, верить этому не хотел, я руки себе ломал, я готов был головой биться о стену. Честное слово! Подумай: великое, святое, единственное в жизни – нашу дружбу – я готов был променять, скотина, и на что же? На что, я спрашиваю? На прогулки в саду! На пожатие ручек, на вздорную, призрачную, лживую женскую любовь! Да на тысячу женщин, хотя бы всех их любил, как Зою, я не отдам часа, который мы с тобой! Ты веришь?

Мацнев. Верю, Иваныч.

Нечаев. Спасибо.

Оба вздохнули, молчат.

Что за черт: гляжу кругом и ничего не узнаю! Мне все кажется, что сейчас война и мы в какой-нибудь Маньчжурии... сидим себе и разговариваем. Нет, хорош лунный свет, Сева, от него душа становится чище! Всеволод, а скажи мне, я все не решался тебя спрашивать об этом: ты все так же думаешь о смерти? Ты очень печален, голубчик.

Мацнев. Все так же, Корней. *(Вздыхает.)*

Нечаев. И?..

Мацнев. Я решил умереть. Скоро. Не спрашивай, Иваныч.

Молчание. Нечаев встает и снова быстро садится.

Ты что, Иваныч?

Нечаев. Ничего. Плохо, Всеволод. Очень-очень плохо!

Мацнев. Ну?

Нечаев. Очень плохо! И это – дружба! И это – одна душа! Смешно, Всеволод, честное слово, смешно! Что же ты думаешь, – что я останусь жить без тебя? Смешно! Буду гулять в саду? Пожимать ручки прекрасным девицам? Носить цветы на твою... скажем

просто: могилу? Ах, Мацнев, Мацнев!

Мацнев. Но послушай, Корней!

Нечаев. Ты, может быть, думаешь, что мне очень нужна эта луна? Вся эта красота? Какая трогательная картина: офицер Нечаев гуляет при лунном свете с прекрасной Зоей! Да к черту ее, – раз так, то вот что я тебе скажу! К черту! Ну да, я твердил и теперь твержу: «На заре туманной юности...»

Мацнев. «Всей душой любил я милую» – хорошие слова.

Нечаев. Всей душой любил я милую – ну да, всей душой, а как же? Но разве это я про женщину говорил? Извини, но ты оскорбил меня, когда подумал, что это относится к Зое, к какой-то девчонке, которая сегодня любит одного, завтра другого. Эти слова я принес тебе, нашей с тобой юности, нашей дружбе, а не какой-то – Зое!

Мацнев. Ты прости меня, Иваныч, но как тогда я мог думать иначе? Сам посуди!

Нечаев. Сужу – и ну, конечно, ты был прав тогда... А теперь? – Нет, постой, не говори. А теперь... я не спрашиваю тебя, когда ты решил покончить с собой – сегодня, завтра, через неделю, – но если ты осмелишься умереть один, без меня, то я не знаю что! Я пощечин себе надаю, и все-таки убью себя, но с презрением к себе, ко всему миру – к тебе, Всеволод, ко-

торый только говорил о дружбе! Молчи, молчи! – Какая луна красивая, черт ее...

Молчание. Нечаев громко, трубным звуком, сморкается и говорит деловым и даже сухим тоном.

Наши не идут, загулялись. Хоть бы облачко одно: действительно, какая неподвижность! – Но скажи, Всеволод, что, собственно, заставило тебя решиться?

Мацнев. Я уже говорил тебе: тоска. Невыносимая, невыносимая, день ото дня растущая тоска... что-то ужасное, Иваныч. Понимаешь: я молод, я совершенно здоров, у меня ничего не болит, – но я не понимаю, зачем все это... и не могу жить! Зачем эта луна? Зачем все так красиво, когда мы все равно умрем? Я встаю утром и спрашиваю себя: зачем я встал? Я ложусь и спрашиваю себя: зачем я лег? А ночью – какие-то дикие кошмары. Ужасно! И ни на что нет ответа, ни на один самый маленький вопрос. Подумай: вот я кончу курс и стану адвокатом, журналистом...

Нечаев. Ты мог бы быть знаменитым адвокатом, Плевакой!

Мацнев. Ну, хорошо, ну, стану я знаменитым адвокатом, а дальше что? Потом женюсь, как отец, и буду иметь собственного Всеволода – а дальше что?

Бессмыслица – отвращение! – белка в колесе. И чем красивее вокруг, тем невыносимее для меня. В серые осенние дни я еще спокоен, тогда мне кажется, что я почти умер уже, но вот теперь!.. Как мне схватить и удержать всю эту красоту? Я ее зову, а она молчит! Я к ней протягиваю руки – и в них пусто... а там что-то идет, что-то свершается – нет, ужасная красота! И все обман, и все обман! Ты говоришь: Зоя – да разве это не обман, разве это не та же все – моя мама, твоя, всякая мама, всякая бабушка. Зоя – бабушка! (*Смеется.*) Ты можешь представить это, Корней?

Нечаев (*помолчав*). Могу. Ты извини меня, Всеволод, если я не все пойму в твоих словах: ты знаешь, я человек малоразвитой, почти не читаю, и все эти вопросы... Но ты прав.

Мацнев. Уже почти год это у меня. И сколько я перечитал за это время, Корней, все искал ответа... (*Смеется.*) Ответа! Ответа захотел дурак у моря!

Нечаев. И нет ответа?

Мацнев. Слишком много.

Нечаев (*рассудительно*). Слишком много – значит, ничего. Я так и думал. Все это прекрасно, об этом ты мне еще расскажешь, но как ты, Всеволод, решил вопрос о родителях? Это вопрос, брат, прости меня – серьезный. У меня родителей нет, я подкидыш, по фамилии Нечаев, что должно было обозначать нечаян-

ную радость, но ты? Тут надо подумать и подумать, как говорится.

Молчание.

Мацнев. Если хочешь, то по-настоящему о своих я не думал, да и думать не хочу. Зачем? Что такое родители, отец, мать, когда все бессмыслица, когда нет ничего! Значит, так нужно, чтобы я умер, а они страдали.

Нечаев. Жестоко это, Сева, слишком жестоко!

Мацнев. Жестоко? А если бы я умер от чахотки или от тифа – ведь я всегда могу умереть от какого-нибудь тифа, – тогда не жестоко? Оставь, Корней! И почему то, что может сделать со мной любая бацилла – того я сам не смею сделать с собой? И у них есть Надя, Васька, славный мальчишка... и оставим их! Я о тебе, Корней, чудак ты мой милый, ты-то зачем со мной покончишь? Это, брат, уже форменная бессмыслица.

Нечаев. Ты это серьезно?

Мацнев. Но подумай сам, Иваныч...

Нечаев. Тогда и я серьезно. Погоди, не сбивай – мне трудно. – Конечно, я человек малоразвитой, армейский офицер, недоучка и во все эти твои тонкости войти не могу, нет. Смысл, бытие-небытие, зачем и к чему – к этому, извини меня, я равнодушен. То есть не

то чтобы совсем равнодушен, а вроде этого: не понимаю. Но зато у меня есть свои основания – понимаешь: свои основания. Очень, конечно, возможно, что без тебя я бы никогда не собрался в эту дорогу, но только потому, что слаб характером и дрянь! Вот. – Покурим? – Луна-то как взлезла. – Да. Поставим вопрос просто: как ты думаешь, могу я стать Наполеоном – я тоже офицер, как и он был?

Мацнев (*хмуро*). Пустяки это, Иваныч.

Нечаев. Нет, брат, не пустяки. Конечно, я так выражаюсь, но дело тут серьезнейшее, брат. Всякий человек имеет право быть Наполеоном, а если он не вышел – то к чертовой матери все! Вот. Конечно, я не честолюбив, – но разве это хорошо? Это-то и есть главная моя подлость, это значит, что и всю жизнь я могу остаться тем же офицеришкой и не подвинуться ни назад, ни вперед. Помнишь, как я собирался готовиться в Академию, петушился... а что вышло? И как я живу? – совестно подумать, в темноте краснеешь: точно и не живу, а сплю. Вот ты приехал, и я с тобой проснулся, а уедешь ты или... И кому я нужен такой? Ну, конечно, не украду я там или не предам, ну, и добр я до глупости, но разве это настоящее? Нет, та же бесхарактерность, собачье виляние хвостом. Ничтожен я, Всеволод, ужасающе ничтожен. Стыдно подумать!

Мацнев. Не унижай себя, Иваныч, не надо.

Нечаев. Я и не унижаю себя, а надо же говорить правду. И еще скажу тебе самое позорное, о чем даже тебе говорить неловко: ужасно, брат, я некрасив! Другого хоть форма скрашивает, а как погляжу я на себя в зеркало со всеми этими ментиками-позументиками: фу, думаю, какой осел! Нынешней зимой, когда ты был в Москве, знаешь, о чем я размышлялся? Не смейся – о монастыре.

Мацнев. Ну, что ты! Какой еще монастырь! Ты шутишь?

Нечаев. Нет, голубчик. Но только посмотрел опять в зеркало – и успокоился: да разве с такой физиономией угодники бывают? И не в том, конечно, дело, что рожа, – а ведь чего я хотел от монастыря? Спрятаться и только, без боя сдать позиции. И все это гнусно до последней степени, и вот тебе мои основания. Кому я нужен такой? Кто обо мне заплачет? И луна эта, и вся эта красота, и там далеко чьи-то прекрасные глаза смотрят в другие прекрасные глаза... но при чем я здесь? Ничтожен я, Всеволод, ужасающе, до боли ничтожен!

Молчание.

Так как же, Всеволод, – принимаешь в компанию?

Молчание.

Мацнев. Нет, Иваныч, пустяки. Какие это основания? Такому честнейшему человеку, как ты...

Нечаев. Да к черту, наконец, мою честность! Ведь это, наконец, оскорбительно: тыкать в нос честностью.

Мацнев. Обижайся или нет, а я говорю, что такому честнейшему человеку, как ты, вовсе не надо быть Наполеоном, чтобы иметь право на жизнь, на уважение и любовь. Пустяки, Иваныч. Ты просто хочешь принести некоторую жертву, а чтобы мне не было трудно, ты вот и придумываешь разные...

Нечаев. Жертва? Допустим. Пусть это будет только жертва, и больше ничего. Конечно, чего стоят мои нечаевские основания с точки зрения бытия-небытия? Вздор, простая блажь! Допустим. Но как ты, человек умный и благородный, не понимаешь сам, сколько надменности и презрения, какая проповедь неравенства в таком твоём отношении? Как ты, человек умный, не понимаешь, что жертва моя – есть мое единственное богатство, моя единственная красота, где я не уступлю никому в мире! Этой минутой единой я всю жизнь мою украшу, этой минутой я вечности достигну! И кому эта жертва? Тебе? Глупо, брат, – извини, но очень глупо! Не тебе, а дружбе! Вот кому,

дружбе!

Мацнев (*потирая лоб*). Да, одна душа – одна душа!

Нечаев. Одна ли душа, две ли – не в этом дело. Но в том дело, что был человек, который для святой человеческой дружбы не пожалел своей жизнишки поганой! Но был человек, который встал, вот так, перед всем миром (*встает*), и громко сказал: ничего не жалею для друга! Не богатству, Сева, не славе земной, не дрянной любвишке женской – дружбе, Сева, дружбе, дружбе...

Садится и тихо плачет.

Мацнев (*обнимая его*). Корней, милый ты...

Нечаев. Нет, ты скажи!..

Мацнев. Ну, конечно, вместе! Иваныч, брат ты мой родной!..

Нечаев (*не поднимая головы*). Не брат, а друг. Брат убил брата, а друг умрет вместе с другом. Всеволод – как прекрасна жизнь!

Мацнев. Прекрасна, Иваныч! Так прекрасна, что...

Молча сидят, обнявшись. Нечаев легко вздыхает, громко сморкается и встает.

Нечаев. Стоп. Сейчас наши придут. Сева, я сегодня

петь буду.

Мацнев. Пой!

Нечаев. «На заре туманной юности всей душой любил я милую», – ах, Господи, до чего невыразимо хороша жизнь. Ну – стоп! Еще одно слово: Всеволод, давай кончим на этом месте в воспоминание вечера сегодняшнего... Ты не сердись на сентименты, но тебе ведь все равно...

Мацнев. Нет, не все равно. Давай здесь!

Нечаев. И еще, револьвер или поезд? Револьвер – один может случайно остаться, а потом надо повторять. Поезд, конечно, страшнее, но я думаю, что это не важно – не важно, Сева. А луна-то дура смотрит и ничего не понимает. Но красиво, все красиво, правда, Сева? Вот мы на шпалах сидели – старые шпалы, а тоже поезда по ним ходили... Совсем заболтался я, не слушай. Но только мы свяжемся. Наши идут!

Очень далеко голоса и треньканье гитары.

Да, идут. И Зоя идет – как смешно: Зоя!

Мацнев. Зачем связываться, Иваныч, можно просто взяться за руки.

Нечаев. Разбрасает – невозможно! Разбрасает! Эта штука, брат, как хватит! Нет, так вернее и ближе. Но это потом, потом, Сева!..

Мацнев. Что, Корешок?

Нечаев. Так, болтаю. Ты меня не слушай. – Ишь, как весело идет. Если бы сегодня я был в лагерях, я напился бы, честное слово!

Мацнев. А вот это зря.

Нечаев. И сам знаю, что зря, а все-таки напился бы. И Горбачеву дал бы по роже. Давно ищу подходящего случая.

Мацнев. Что это за Горбачев – я не знаю его?

Нечаев. Ты не знаешь. Так, дрянь одна. Ну его к черту, подождет, если хочет. *(Встает на рельсы и кричит.)* Компания! Ого-го!

Кто-то из идущих на мотив тирольского рожка отзывается: а-у! Нечаев повторяет громко: а-у-у! Постепенно все выходят с левой стороны. Говор.

Студент. А нас по мосту не пустили.

Гимназист. Я говорил, что сторож не пустит.

Коренев. А я говорю, что тут ходил. Не пустил оттого, что много народу. Еще бы, если ты будешь выть: царицей ми-и-ррр...

Катя *(садясь на откос).* Хоть на руках меня несите, дальше я не пойду. Столярова, плюхайся, матушка, тут так принято. Какой песок-то теплый, попробуй рукой. А?

Столярова. Да, совсем теплый!

Около них устраиваются на откосе Котельников и Василь Василя.

Надя. Не соскучились без нас?

Нечаев. Состокоевался до последней степени, едва дожил. Садитесь.

Надя. Да и то ноги не держат.

Гимназист. Надо было низом идти.

Коренев. Вот осел! Тебе же говорят, что там нет проходу!

Студент. А что же вы не присядете, Зоя Николаевна?

Надя. Зоя, иди рядышком. Садись.

Зоя. Тут негде.

Мацнев (*хочет встать*). Вот место!

Зоя. Нет, сидите, сидите, пожалуйста, я устроилась. (*Садится между ним и Надей.*)

Котельников. Нечаев, отнимите у Василь Василича вашу гитару, он с ума всех свел. Василь Василич, да перестаньте, Христа ради!

Нечаев и студент стоят перед Зоей; оба гимназиста стоят на полотне.

Зоя. Вы отчего не пошли с нами? Было так красиво.

Нечаев. Да и здесь хорошо.

Надя. Корней Иванович, я загадала, сколько мне прожить еще – знаете, сколько вышло? Еще сто двадцать!

Катя (*издали кричит*). А мне всего-то три годочка – на четвертом так с рельсы и сверзилась!

Студент. Но Зоя Николаевна сегодня в очень грустном настроении.

Зоя (*сухо*). Вам показалось. – Всеволод Николаевич, куда же вы? Я вас тесню?

Мацнев. Нет, я так. Засиделся.

Зоя. Посидите с нами!

Мацнев, не отвечая, как будто не слышал, отходит в сторону, некоторое время стоит один, потом один же садится на откосе. Студент отходит к тем, где Катя.

Корнев (*кричит*). Надя! А мы послезавтра все на дачу!

Надя. И дядя?

Корнев. Он будет приезжать на праздники. Приезжайте с Севой.

Зоя (*Нечаеву*). У вас сегодня необыкновенное лицо... Отчего вы молчите и смотрите на меня? – Теперь

вас не видно. – Вы молчите?

Нечаев. Это луна-с. Луна строит миражи и рожи.

Зоя. А какая я?

Нечаев. Вы? *(Помолчав.)* Вы – мираж. Сейчас вы есть, вас делает луна, а когда запоют петухи, вы рассыпетесь.

Зоя. Все рассыпется, когда запоют петухи.

Нечаев. Нет – не все!

Гимназист *(Кореневу).* А ты можешь подпустить поезд на три шага и только тогда отскочить?

Коренев. Могу. Сделаем?

Катя. А если вздумаете, я вам уши надеру!

Гимназист. Какая строгость!

Катя. А вот и строгость. Надечка, ты поезда боишься?

Надя. Нет, чего его бояться. А ты?

Катя. Ужасно, моченьки моей нет. Василь Василич, зачем вы мучаете бедное животное? Смехота!

Василь Василич. Виноват, я не понял.

Катя. Гитару.

Смех и разговор.

Надя. Зюечка, можно мне поспать у тебя на коленях? *(Кладет голову ей на колени.)*

Зоя. Поспи, дружок. – Да, мне грустно, вы пра-

вы. – Корней Иванович, я не хотела говорить этому навязчивому господину, но вам могу сказать. Сегодня утром, когда я сидела у себя в саду, я услышала сзади голос: Зоя! Оглянулась – и нет никого. Но весь день мне чудится этот незнакомый и странный голос, иду, а сзади все время кто-то зовет: Зоя!

Нечаев. Печальный голос?

Зоя. Нет, совсем простой. И я не знаю, отчего, но все во мне так волнуется. Почему все так красиво? Вот я смотрю на луну – почему она такая красивая и такая страшная? Нет, не страшная, но, вероятно, я скоро умру.

Надя *(не поднимая головы)*. Зойка, не говори глупостей.

Нечаев. Зоя Николаевна, послушайте: есть еще один человек, который говорит – зачем эта луна?

Надя *(так же)*. Глупый человек.

Зоя. Постой, Надечка! Кто так говорит: вы или другой?

Нечаев. Другой, но я был почти согласен с ним. А теперь смотрю я на вас и думаю: может быть, луна нужна только затем, чтобы вот освещать ваши глаза и чтобы они – вот так – блестели. Зоя Николаевна, вы знаете: я сегодня безумно, бессовестно счастливый человек!

Зоя. Да?

Нечаев. Да. Сегодня я как какой-нибудь древний царь, которому принадлежит вся земля. Смотрите, сегодня все мое: и луна эта... и ваши глаза...

Надя (*сонным голосом*). Он совсем с ума сошел!

Нечаев. Там, далеко, в неведомой стране чьи-то прекрасные глаза смотрят на другие прекрасные глаза – и это все мое! И никто не отнимет у меня моего царства, сама смерть не смеет коснуться моей короны! Вот. Важно, а?

Катя (*кричит*). Корней Иваныч, что же это, голубчик, смеетесь вы над нами? Обещал всю дорогу петь, а хоть бы кошка замяукала! Знала б это, лучше бы дома спала, чем по ночам шататься.

Корнев. А Василь Василич пел – это не кошка?

Гимназист. Это не кот заплакал?

Нечаев. Я готов, Катенька. Что прикажете?

Котельников. Отдайте гитару, Василь Василич.

Василь Василич. Натe.

Катя. Что же мне вам приказать? (*Поднимается.*) Ой, ногу отсидела! Ой, голубчики, помираю! Столярова, держи меня! Пойте что хотите... ой, ой, колет!.. «Андалузскую ночь»... ой! Нет, отходит.

Нечаев. Слушаю-с. Все, что прикажете.

Настраивает гитару, переданную ему Котельниковым. Все собрались около, кроме Мацнева.

Зоя. Надечка, заснула? Пусти, девочка. Корней Иваныч, садитесь на мое место.

Надя. Заснула. Фух – какая луна! Нечаев (*садится и чувствительно поет*).

Кончил. Молчание.

Катя. Господи! А как хорошо в Андалузии! Испанчики, испаночки, и глазки у всех черненькие. И луна там какая, не нашей чета. Что у нас за луна: раз всего в месяц, и разгуляться-то некогда!

Котельников. Космография!

Катя. Не в космографии дело, эх, идолы вы каменные! Голубчики, а что-то и мне захотелось попеть. Иван Алексеич, давайте-ка грянем «Ночи безумные»⁴, где наша не пропадала!

Котельников. Давайте. Корней Иваныч, помогайте.

Под аккомпанемент Нечаева тихо спевают.

Надя. Зюечка, а где же Сева?

Зоя. Он все один, Надя. Вон он. Ты бы прошла к

⁴ «Ночи безумные» – популярный цыганский романс, написанный на основе стихотворения А. Н. Апухтина (1876).

нему.

Гимназист. На мосту звонили, сейчас поезд пойдет!

Катя. Ох, батюшки, а успеем?

Нечаев. Успеем.

Катя. Нет, я уж лучше тут стану, а то запоешься, да и не заметишь, как голову оттяпало. Ну?

Поют «Ночи безумные». В середине пения начинается, в перерывы, слышаться гул подходящего поезда – далекий свисток.

(Поет.) «...В прошлом ответа ищу невозможного». – Коренев, сходите с полотна! Я вам!.. – «Вкрадчивым шепотом вы заглушаете звуки дневные, несносные, шумные...»

Надя подходит к Всеволоду, что-то говорит, но тот не отвечает; Надя осторожно заглядывает в опущенное лицо и возвращается к Зое.

Катя и Котельников (поют). «...ночи бессонные, но-о-чи безу-у-мные».

Кончили. Сильнее гул поезда. Свисток.

Надя (с испугом). Зюечка, кажется, Сева плачет. Пойди к нему.

Зоя. Да что ты!

Надя. Я боюсь. Пойди к нему. Что с ним?

Идут к Всеволоду.

Гимназист. Господа, с полотна! Идет.

Катя. Сами уходите!

Корнев. Пассажирский, три фонаря! Скорее! Надя (подойдя). Всеволод! Севочка! Зоя (наклоняясь). Дорогой... Всеволод Николаевич, что с вами? Голубчик, голубчик, Всеволод Николаевич!

Молчание.

Мацнев (как бы отталкивая ее рукой). Оставьте меня! Оставьте.

Грохот поезда заглушает все разговоры; на рельсы ложится желтоватый свет фонарей.

Третье действие

Первая картина

Небольшая столовая в доме Мацневых, за нею маленькая проходная комната с угловым диваном и запертая дверь в спальню, где лежит умирающий Мацнев. Душная июньская ночь, оба окна в столовой открыты. Беспорядок. Тихо. В столовой сидит с какой-то книгой, но не читает, Надя; одета простенько, по-домашнему, лицо бледное, глаза заплаканы и припухли. В угловой комнате, не освещенной, молча сидит Александра Петровна; о ее присутствии в первую минуту не догадываешься.

Из спальни, осторожно приоткрывая и закрывая за собою дверь, выходит тетя Настя, идет тяжело, согнувшись; на минуту останавливается перед золовкой. Надя испуганно прислушивается, отстраняя волосы с уха.

Тетя. Саша, а Саша, ты прилегла бы. И чего ты сидишь? А?

Молчание.

Иван Акимыч сказал, что до утра никаких перемен не может быть. Надя?

Не дождавшись ответа, тою же тяжелой походкой, согнувшись, проходит в столовую; при свете видно, что лицо ее также испугано и глаза заплаканы.

Надя, встав, тревожно и с готовностью смотрит на тетку.

Надя. Ну, что, тетя?

Тетя. Ничего. Пойди, Надя, скажи Петру...

Надя. Сейчас!

Тетя. Скажи Петру, чтобы льду помельче нарубил и принес.

Надя. Я знаю, тетя, больше ничего?

Тетя. Ничего.

Надя быстро выходит. Тетя, опершись головой на подпертую руку, опустив глаза вниз, стоит неподвижно до ее возвращения посередине столовой.

Надя. Он уже нарубил, сейчас принесет. А еще ничего не нужно?

Тетя. Нет. Как Всеволод придет, скажи.

Надя. Хорошо, тетечка.

Той же тяжелой походкой возвращается в спальню. На секунду останавливается перед Александрой Петровной и, ничего не сказав, проходит. От двери, уже взявшись за ручку, идет назад.

Тетя. Надечка, а ты не ужинала? Поешь чего-нибудь.

Надя *(быстро)*. Я не хочу, тетечка.

Тетя уходит в спальню. Надя на цыпочках подходит к двери в угловую, боязливо взглядывает на мать и с отчаянием, прижав руки к груди, возвращается на свое место. Прислушивается. Где-то сдержанные голоса. Быстро подходит к двери и почти сталкивается с вошедшим Всеволодом. Всеволод бледен, волосы слегка прилипли к мокрому лбу, по высоким запыленным сапогам видно, что он гулял где-то за городом. Испуган, как и все.

Всеволод. Что с папой? Мне Петр сказал. Что с папой?

Надя. Севочка! *(Плачет.)* Севочка!

Всеволод. Когда случилось?

Надя. В четыре, как раз за обедом. Теперь он без

сознания, лежит на полу.

Всеволод. Почему на полу?

Надя. Тише, там мама. Он просил, чтобы его на пол положили. Там у него Веревитин. Севочка! *(Плачет.)*

В дверь нерешительно заглядывает Нечаев, также запыленный и испуганный.

Всеволод. Пусти, Надя, я пойду к нему. Не плачь.

Идет. Навстречу ему выходит из угловой, покачиваясь от горя и плача, Александра Петровна, обнимает его.

Александра Петровна. Отчего ты не приходил, Сева? Он звал тебя, отчего ж ты не приходил? Какое у нас горе, Сева, какое несчастье!

Всеволод. Мамочка! Мамочка!

Александра Петровна. Отчего ты не приходил?

Всеволод. Мы с Нечаевым гуляли, были за городом. Мне Петр сказал. Мамочка! Я пойду к нему.

Александра Петровна. Иди.

Всеволод быстро, но осторожно ступая, идет в спальню, за ним медленно и все так же пошатываясь плетется мать. Надя делает шаг за ними, но

останавливается и стоит в позе отчаяния, приложив руки к груди. Нерешительно входит Нечаев.

Нечаев. Надежда Николаевна! Какой ужас! Это я, это я. Мы гуляли со Всеволодом, подходим к дому, вдруг чья-то лошадь стоит. Думали, гости, и вдруг Петр говорит... Какой ужас! Когда это случилось?

Надя. За обедом, мы обедали, в четыре часа. Какое-то жаркое подали, и папа вдруг улыбнулся и говорит: а у меня-то рука не действует, должно быть. Ко... Кондратий пришел, а Васька еще спрашивает: какой Кондратий? И вдруг лицо перекосилось и... Корней Иванович, голубчик, умрет папа! *(Почти громко плачет.)*

Нечаев сажает ее на стул, обнимает, говорит со слезами.

Нечаев. Ну, Надечка, ну, голубчик, ну, бедная моя девочка! Ведь еще ничего, еще, может, обойдется. Николай Андреевич очень крепкий человек... Ведь это у него первый удар?

Надя. Первый. Иван Акимыч говорит, что может случиться второй. Кровь-то не пошла.

Нечаев. А может, и не будет. Раз столько времени прошло, то второго, может, и не случится. Бедная вы

моя девочка! И как тут, наверное, перепугались, а мы, как назло, гулять ушли...

Надя (*немного успокоившись*). Вы куда ходили?

Нечаев. Мы до самого Покровского дошли, там молоко пили. Ночь такая душная. Ах, Боже мой, Боже мой! И надо же было, а мы-то, а мы-то! Надечка, я у вас побуду, может быть, понадобится что, в аптеку сбегать... Можно?

Надя. Да, конечно же! Мы совсем одни. (*Снова плачет.*)

Нечаев. Если я тут мешать буду, я в саду посижу, вы только кликните меня. Не плачьте, ей-Богу, не надо.

Из спальни выходит доктор Веревитин, старый приятель Мацнева. Говорит обычно громко, зная, что умирающий ничего теперь не слышит.

(*Почтительно.*) Здравствуйте, Иван Акимыч.

Веревитин. А, ваше благородие! Гулять ходили! Жаркий сегодня денек. Ты вот что, Надюша...

Надя. Как папа?

Веревитин. Ничего, голубчик, ничего, все так же. Выкрутится Никола, не бойся, у него организм-то бычачий! А ты вот что, дружок, вели-ка там дать мне чего-нибудь перекусить, с утра ничего не ел...

Надя (*весело*). Сейчас, Иван Акимыч!

Веревитин. Да погоди, вели еще водочки мне дать.
Ну, ступай!

Надя быстро выходит.

Фух, душная какая ночь, дышать нечем. Второй уже час, однако. Так как же, ваше благородие, хорошо изволили погулять? Где были?

Нечаев. В Покровском, молоко пили.

Веревитин. Ого! Далеко.

Нечаев. Иван Акимыч, – что, плохо?

Веревитин. Надо второго ожидать, а в общем ничего неизвестно. Хоть такие дубы, как вот мы с ним, именно с одного раза и валятся, но... Кто знает, кто знает! Я не знаю. А говорил ему: ой, Никола, чернешь, пусти кровь! Не захотел, смеется, а вот Кондратий Иваныч и пришел. Жара еще тут. Что это – будто разок гром тут был слышен? Не гроза?

Нечаев. Собиралась, да мимо прошла. Впрочем, всю дорогу где-то сверкало. Ужасная духота!

Веревитин. Зарницы, должно быть. Что, водочка?

Заплаканная Марфа молча ставит водку и закуску.

Давай, давай, матушка, – как звать-то, забыл, ты у

них недавно?

Марфа. Второй уж год. Марфой зовите, барин.

Вереvитин. Ну, не помню, прости. *(Наливает рюмку и с удовольствием пьет.)* А все вот отчего, – от водочки! вот кто погубительница-то наша, враг рода человеческого! *(Снова наливает.)* А вы рюмочку?

Нечаев. Нет, как можно! Да ведь Николай Андреич ничего и не пил, совершенно?

Вереvитин. Теперь совершенно, а посмотрели бы на него раньше. Да! Таких на очереди у меня еще трое: Алексей Иванович Чикильдеев, пожалуй, Попов, Степан Гаврилыч, да я, третий. Александру Петровну мне жалко, хороший она человек!

Нечаев. Боже мой, Боже мой, как все это неожиданно и... Иван Акимыч, а отчего за родными не послали, никого нет?

Вереvитин. За Петром Петровичем, дядей, послали, да он еще вчера на дачу уехал, только завтра вернется. Да и зачем они? – только лишний шум да слезы. Так-то в тишине лучше... *(Вошедшей Наде.)* Ну что, дружок?

Надя. Сейчас жареное будет, Иван Акимыч, разогревают.

Вереvитин. Напрасно хлопчешь, душечка, я уже закусил и выпил. Когда теперь жарить.

Надя. Это ничего, Иван Акимыч, это от обеда оста-

лось. Я очень рада. Я сейчас у Васи была; он проснулся и сюда хотел, но я не пустила.

Веревитин. И правильно, нечего ему тут делать!

Нечаев. А мама?

Веревитин. Они все в спальне, пусть их. Ваше благородие, угостите-ка папиросочкой, я свои все выкурил.

Нечаев. Извините, Иван Акимыч, нет, так же все за дорогу-Надя. Я сейчас папиных из кабинета принесу. Только вы не уезжайте, Иван Акимыч, дорогой!

Веревитин. Никуда я не уеду.

Надя выходит.

Я сам нынче на дачу собирался, так все равно уж, тут ночевать буду. Эх, Никола, Никола – а давно ли на именинах гуляли. Что, Марфуша, жареное?

Марфа. Баранина.

Веревитин. Ну, давай баранину – баранина так баранина. С утра нынче не ел, так вот теперь и захотелось. А что... все забываю, как вас зовут... Корней Иваныч, да! на каком теперь курсе Всеволод?

Нечаев. На четвертый перешел.

Веревитин. Недолго, значит, до окончания осталось, это хорошо: надо семью поддерживать, семья-то не маленькая. У меня у самого, батенька, пять

штук, да еще все попечения требуют. Сдохну, нищими останутся... А, это ты, тетка! Ну, что там?

Вышла из спальни тетя Настя и с тем неподвижно горестным лицом присела к столу.

Тетя. Ничего, все то же. Иван Акимыч, а отчего он все дышит ровно-ровно, а потом вдруг всхрипнет?

Веревитин. И мы с тобой будем всхрипывать, как Кондратам придет. Да к тебе не придет, ты Кощей бессмертный. Лед меняла?

Тетя. Меняла. А такой лежит, как будто спит, и грудь подымается ровно!

Веревитин. Да, грудь широченная, как площадь мощеная. Да ты погоди, Настасья, не обмокай, ведь я еще и сам ничего не знаю. Ведь сила-то у него не твоя, так что ж ты раньше времени!..

Надя (вошла). Насилу отыскала папиросы, они в ящике. Вот, Иван Акимыч, курите. Корней Иваныч, берите. А там ничего?

Нечаев. Ничего, все хорошо. *(Тихо.)* Надежда Николаевна, я тут боюсь помешать, я лучше в саду посижу. Вот папиросочек возьму и... В случае нужды я тут же, на террасе. И Севе скажите, что я тут, если спросит. Кажется, есть надежда, слава Богу.

Надя (крестится). Слава Богу! Хорошо, идите, го-

лубчик, я тогда позову.

Нечаев, осторожно ступая, выходит. В черных окнах слабый мгновенный свет далекой глухой молнии.

Веревитин. Проголодался. Тетка, ты бы с нами посидела, что стоишь. Все равно там ничего не сделаешь. Тетя. Ничего. Надя. Ты куда, тетя? Тетя. За льдом.

Надя. Так зачем же ты сама? Я сейчас!

Быстро выходит.

Веревитин. Тетка, на дачу я уже опоздал, я у вас лягу. Приготовь мне на диванчике. Ты провиант покупаешь? – хорошая баранина, надо сказать себе взять.

Тетя. Я тебе в кабинете приготовлю. Окна не закрывай, а то жарко к утру будет. Тебе простыню или одеяло?

Веревитин. Простыню, разве теперь под одеялом проспишь? А мух у вас много?

Тетя (с тем же неподвижным лицом). Мух нет, Коля их сам не выносит.

Надя (приносит небольшое ведро со льдом, поясняя). Я сама, а то Петр очень стучит.

Осторожно входит в спальню.

Тетя (*ни к кому не обращаясь*). На кого они останутся?

Веревитин (*сердито*). Да погоди ты отпевать раньше времени! Характерец у тебя кремневый, а распустилась ты, как кисель. На кого останутся!

Тетя (*все так же*). А на кого я останусь!

Из спальни выходят вместе Всеволод и Надя. У Всеволода успокоенное лицо.

Веревитин. Ну, как?

Всеволод. Мне кажется, что пока ничего – как вы думаете, Иван Акимыч?

Надя. Он как будто заснул. Правда, Иван Акимыч?

Веревитин. Ну, и слава Богу. А мать?

Всеволод. Она там хочет сидеть. Я ее звал сюда, но она не идет. Я там окно открыл, ничего? Душно очень, и мне кажется, что свежий воздух будет полезен.

Тетя молча поднимается и уходит в спальню. За ней следят глазами.

Веревитин. Да, да, свежий воздух, отчего же? А я и не заметил, что там закрыто.

Всеволод. Я так и подумал, что хорошо. А мы, Иван Акимыч, пошли с Нечаевым гулять, да и забрались...

Надя. Он здесь, Сева. Он на террасе сидит, не хочет тут мешать. Он такой добрый.

Веревитин. Да кому он помешает? Зовите его сюда, что ж он в темноте сидеть-то будет.

Всеволод. Я позову.

Выходит.

Веревитин. А ты вот что, Надечка, дружок: просил я твою тетку в кабинете мне диван приготовить, да она в таком расстройстве...

Надя. Вам в кабинете? Я сейчас!

Веревитин. Да в кабинете, что ли. Вели-ка, дружок!

Надя. Я сама.

Веревитин. Ну, сама. Пстой, пстой! Про лошадь-то я забыл. Скажи ты моему, чтобы распряг...

Входят Всеволод и Нечаев – и почти в ту же минуту в спальне раздаётся крик или плач. Открывается дверь, и тетка с вытаращенными от ужаса глазами кричит:

Тетя. Иван Акимыч! Умирает Коля!

Скрывается. Все, за исключением Нечаева, почти бегут в спальню. Оттуда ничего не слышно. Нечаев, хватаясь за голову, суется по комнате, смотрит в открытое окно и снова ходит.

Нечаев. Какой ужас! Господи, какой ужас!

Всеволод выглядывает из спальни.

Всеволод. Корней, позови Васю!

Скрывается. Нечаев в некоторой нерешимости, не понял. Быстро выбегает Надя, плачет.

Нечаев. Что? Что? Что?

Надя. Я за Васей. Мама велела. Умирает.

Нечаев ходит. Обратно, почти пробегает Надя с помертвевшим, безгласным Васей, одетым в одну ночную сорочку. Там тишина. На дворе поют петухи. В дверь столовой заглядывает Марфа, Петр и еще кто-то.

Марфа. Кончается барин? (Плачет.)

Нечаев. Да.

Из спальни выходит Веревитин и молча, на ходу, плача и утирая слезы рукой, ходит по столовой. Нечаев забился в угол. Выходит Всеволод и, закрыв лицо руками, неподвижно стоит посередине комнаты, заставляя шагающего доктора обходить его. В беспорядке выходят остальные. Помертвевший Вася со страхом озирается, старается к кому-нибудь прижаться, но его отталкивают. Прижимается к тихо плачущей сестре и через ее голову смотрит.

Александра Петровна. Коля!.. Что же это? Нет, что же это? Коля! Колечка! Голубчик мой, Колечка!

Нечаев. Александра Петровна! Боже мой, вам воды! Господи! Сева, да как же это?

Всеволод (*отстраняя его*). Пусти!

Тетя (*она не плачет, но все лицо ее дрожит; вдруг громко почти кричит*). Нет, ты его не знала! Ты его не знала! Его никто не знал! Коля, мой Коля! Брат ты мой, Колечка! Умер, голубчик, умер.

Александра Петровна (*так же кричит и даже топает ногой*). Да как же тебе не стыдно перед Богом! Да как же я его не знала! Бессовестная ты! Бессовестные вы все. Колечка мой, друг мой, одна моя?.. О, Гос-

поди, Господи!

Тетя. Саша, родная моя, одни мы, одни мы с тобой... *(Обнимает золовку, и обе вместе плачут.)*

Всеволод и Надя *(вместе)*. Мама!

Вася *(вдруг кричит с плачем)*. Мама! Перестань! Мама!

Александра Петровна *(отрываясь от тети и судорожно крепко обнимает Всеволода)*. Всеволод! Севочка! Ты один теперь... Ты одна наша... Сева, Севочка! Умер ведь папа!

Всеволод *(плача, но твердо)*. Я с тобою, мама, я с тобою.

Александра Петровна. Севочка! Я не могу!

Валится на колени, цепляясь за его руку. К ней бросаются Надя и Вася, и все трое с плачем и бессвязными восклицаниями окружают Всеволода.

Надя. Сева! Севочка!

Всеволод *(плача и глядя волосы матери)*. Я с тобой, мама! Я с тобою!

Только тетя Настя стоит в стороне – заложив бессознательно руки в бока, дрожа всем лицом, она смотрит на этих.

Тетя. Да-да-да! Да-да-да! Да!

Вторая картина

Знойный полдень. Уголок сада Мацневых. Четыре высоких и кряжистых тополя составляют как бы тенистую беседку; здесь несколько простых, без спинок, деревянных некрашеных скамеек. Кругом густые заросли малины, широкие кусты крыжовника и смородины; дальше молодой, но пышный фруктовый сад, яблони и груши. Возле дорожек трава полна цветов и высока – почти до пояса. Неподвижный воздух весь гудит, как тугая струна, – так много в траве пчел, ос и всякой другой жизни.

Под тополями дорожка разветвляется и идет к дому вдоль двухэтажного, бревенчатого амбара-сарая, с несколькими небольшими конюшенными оконцами. За углом амбара, в гуще высоких берез и кленов, терраса, на которой в настоящую минуту оканчивается поминальный обед. Террасы отсюда не видно, доносится только сдержанный гул голосов и стук посуды. Один раз попы и обедающие поют «вечную память».

Под тополями собралась молодежь, бывшая на похоронах, но уклонившаяся от обеда. Здесь Зоя Николаевна, Катя и Столярова; гимназист Коренев, Нечаев. Все девушки в черных платьях. Говорят

негромко, с большими паузами.

Корнев. Смотрите, господа, сегодня к вечеру опять гроза собирается. Ну и жара!

Нечаев. Да, парит. Зоя Николаевна, вы где вчера находились, когда эта молнияхватила?

Зоя. Дома сидела. Да у нас было не так сильно.

Нечаев. А мы думали, что прямо в крышу.

Столярова. Аяв Ряды ходила и сразу вся промокла. На подъезде спряталась.

Катя. Испугалась?

Столярова. Конечно, нет.

Катя. Ну и врешь, испугалась! А я как гроза, так все подушки себе на голову и лежу ни жива ни мертва. Ох, Господи батюшки, да когда же они кончат есть! И как они могут: мне кусок в горло бы не пошел. Бесчувственные какие-то!

Корнев. Языческий обычай: тризна над умершим.

Катя. Ну, вы тоже, язычник! А если хочется, так подите, кушайте себе, вас никто тут не держит. Язычник тоже!

Корнев. Но позвольте, при чем...

Нечаев. Всеволоду трудно: он в таком состоянии, а тут надо занимать разговорами, угощать...

Катя. Да неужели еще разговорами занимать? Ей-Богу, бесчувственные! А Севочка наш молодец, я се-

годня в церкви в него влюбилась, так вы и знайте. Такой бледный, такой красивый, такой серьезный... бедненький, так бы на шею ему и бросилась!

Столярова. Александру Петровну два раза из церкви выносили.

Умолкают.

Нечаев. Вам жаль, Зоя Николаевна?

Зоя. Да. Мне Николая Андреича жаль.

Нечаев. Он вас очень любил, я знаю.

Умолкают.

Катя. Где-то моя Надюшка несчастненькая? Неужто и она этих идолов бесчувственных занимает! Вот недоставало, прости Господи!

Нечаев. Нет, она с Александрой Петровной. Вы очень печальны, Зоя Николаевна.

Зоя. Да.

Корнев. А какой у дяди сад роскошный, густота какая!

Катя (*с гордостью*). Сам Николай Андреич насадил. Столярова, хочешь, пойдём посмотреть? Вставай.

Корнев. Постойте, опять поют.

Молчание. *На террасе нестройно поют «вечную память».*

Гимназист *(баском подпевает).* Вечная память... вечная память. Кончили. Ну, пойдёмте, и я с вами. По какой дорожке пойдём?

Катя. По этой. Я тут каждую яблоночку знаю, он сам мне показывал. Он не одну Зойку любил, а и меня тоже.

Корнев. Да, жалко дядю Колю.

Скрываются за поворотом.

Нечаев. Значит, осенью в Москву, Зоя Николаевна?

Зоя. Да, Корней Иванович! Отчего все так просто? Вот умер человек, и как будто ничего не случилось, и мы опять в саду сидим. Промелькнула какая-то тень, чьи-то ресницы взмахнули, что-то стало ясно на минуту – и опять закрылось. Сад!.. Вчера я ещё понимала, что Николай Андреич умер, и это было ужасно, а сегодня уже не понимаю. Умер... Это правда, что он умер?

Нечаев. Правда, Зоя Николаевна. Я, к сожалению, не умею объяснить, но так надо, вероятно.

Зоя. И как только зарыли человека в землю, так

необходимо тотчас же начать забывать. И мы все его забудем, так надо.

Нечаев. Но Всеволод потрясен. Я еще никогда не видал его таким, и я даже не совсем понимаю... Ах, если бы вы все знали, Зоя Николаевна!

Зоя. Что все?

Нечаев. Так! Но до этого дня Всеволод был моложе меня на год, а теперь стал на десять лет старше. И как я его люблю – Боже мой, как я его люблю! Когда он сегодня один, впереди всех, без фуражки шел за гробом, я не смел подойти к нему, но если бы смел...

Зоя (*ласково глядя на него*). Вы очень хороший человек, Корней Иванович.

Нечаев (*решительно*). Не говорите так!

Зоя. Почему? Нет – вы очень хороший, вы даже удивительный, я сегодня смотрела на вас. И у вас такие хорошие глаза!

Нечаев (*волнуясь*). Зоя Николаевна... нет, не говорите так! И не смотрите так на меня; слышите... простите, что я так, но не надо! Я просто... скотина!

Зоя (*тихо улыбаясь*). Вы-то?

Нечаев. Нет, это факт... ах, Зоя Николаевна, какой это вообще ужас! Вы чистая девушка, но если бы вы знали, до какой низости, до какого падения может дойти человек, какие у него могут быть подлые, коварные, отвратительные мысли. Нет, это что же! Это

невозможно! – Постоите, там, кажется, кончили, сейчас все пойдут сюда...

Зоя. Я не хочу, тогда я уйду. Мне невыносимо видеть...

Нечаев. Нет, нет – но послушайте! Если... если мой Бог мне позволит, то я тоже переведусь в Москву. Нет, это что же, вы подумайте!

Зоя. Какой ваш Бог? Разве у вас особенный?

Нечаев. Особенный, да. Но если (*бьет себя в грудь*) позволит... Идут. (*Скороговоркой, шепотом.*) Или – сдохну, факт!

На дорожке показываются Катя и остальные. У Катя в руке большой букет жасмина.

Зоя (*также шепотом*). Что вы говорите, Корней Ивановыч?!

Нечаев. Если вы... хоть немного цените меня, то – молчите. Я скотина. – Идут.

Катя (*сидясь*). Там, кажись, кончили, надо и нам по домам. Повидаем Надюшу, да и айда. Господи, какой еще длинный день, и что бы такое придумать? Столярова, пойдём ко мне, а дотом вместе купаться.

Столярова. Пойдем.

Катя. Ты на спинке умеешь?

Столярова. Конечно, умею.

Катя. Врешь, поди? А я, матушка, как на спинку повернусь, так и поминай как звали, с водолазами не найдешь. Ну, тише, ты! – вон идет. Миленький мой!

От дома к сидящим идет Всеволод, здороваётся, как будто раньше никого не видал. Бледен и серьёзен; впечатление такое, словно при разговоре не сразу все слышит и понимает. Но старается до известной степени быть как все.

(Привставая, очень почтительно.) Здравствуйте, Всеволод Николаевич!

Нечаев. Разошлись, Всеволод? Устал ты с ними, брат.

Всеволод. Нет, ничего. – Там еще кой-кто остался. – Жаркий сегодня день.

Садится и закуривает. Почтительное молчание.

Катя. Всеволод Николаевич, это ничего, что мы у вас жасмину нарвали? Это мне на память.

Всеволод. Ничего, пожалуйста. У нас много цветов.

Молчание.

Катя. Ну, мы не будем вам мешать, Всеволод Николаевич, мы только Надю хотели повидать. Можно?

Всеволод. Она с мамой. Там и дядя Петр. – Миша, я забыл, дядя велел тебе сказать, что вы сегодня на дачу не поедете.

Корнев. Хорошо.

Нечаев. А как Александра Петровна?

Всеволод. Ничего. Жаркий сегодня день. – Вы тетю Настю не видали? Она в сад, кажется, пошла.

Катя. Видели. Она на круглой скамеечке сидит, одна, да мы с Столяровой побоялись подойти. Вам ее позвать, Всеволод Николаевич?

Всеволод. Нет, я так. – Ну, что, Корней?

Нечаев. Ничего, брат, сижу.

Всеволод. Посиди.

Нечаев. Да я и не уйду.

Катя. Ну, а мы идем. Вставай, Столярова. *(Также почтительно.)* До свидания, Всеволод Николаевич. Скажите, пожалуйста, вашей сестре, что я завтра приду, а если ей нельзя будет, так ничего, я в садочке посижу. А собака ваша нас не тронет?

Всеволод. Нет, она никого не трогает.

Зоя. И я с вами. Нет, провожать не надо, Корней Иванович, до свидания, Всеволод Николаевич! – Всеволод Николаевич!

Всеволод. Что, Зоя Николаевна?

Зоя. Нет, ничего.

Решительно, впереди других, уходит. Катя еще раз слегка приседает Мацневу, гимназист крепко трясет руку. Уходят. Молчание.

Нечаев. Она сегодня очень волнуется. – Всеволод, ты, быть может, хочешь прилечь? Ляг, а я с твоими побуду.

Всеволод. Нет, я не хочу.

Нечаев. Ты две ночи не спал.

Всеволод. Так что же? Потом сосну. Корней!

Нечаев. Что, голубчик?

Но Всеволод задумался и молчит. Нечаев со страдающим лицом смотрит на него.

Всеволод. Чем это пахнет?

Нечаев. Я не совсем понимаю тебя. Ладаном, кажется, пахнет, но совсем немного. Ты про это?

Всеволод. Нет. Хорошо пахнет. Да, смородиной. Как пахнет!

Нечаев. Тут вообще, брат, такое благоухание, чего только нет. Это после вчерашнего дождя, и вообще удивительный, брат, рост трав! Когда мы тут были последний раз? и трава была всего по колено, а сейчас

смотри: по пояс! Мне почти по пояс. Как это говорит Пушкин, и «равнодушная природа красую вечною сиять»⁵. И верно: красую вечною сиять!

Всеволод. Нет, она не равнодушная, это неверно. Ты слышишь, как они жужжат, сколько в траве всякой жизни. Сегодня обратно с кладбища я ехал, не знаю, почему – с Веревитиным, на его лошади, и знаешь – еще никогда мне не казалось все... таким красивым и...

Нечаев. И?..

Всеволод. Не знаю, не могу найти слова. Иваныч, ты иди лучше домой.

Нечаев. Хорошо, голубчик. А когда опять прийти? Я вечерком зайду, ладно?

Всеволод. Ладно. Корней, сейчас не время говорить, но...

Нечаев. Да и не надо, Севочка, успеется. Ты так устал...

Всеволод. Ты помнишь... наше решение? Ну, ты знаешь, о чем я... Нечаев. Знаю. Всеволод. Так это... ну, глупости, что ли. Надо жить.

Молчание. Нечаев взволнован.

⁵ «Равнодушная природа красую вечною сиять» – слова из стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829).

Нечаев. Всеволод! Ты не подумай, пожалуйста, что я как-нибудь лично за себя, хочу отвертеться и так далее – пожалуйста, Всеволод! Мне что! Если даже хочешь – то есть если бы так нужно, то я могу покончить и один, но ты... Извини, брат, но ты должен жить. На тебе обязанности, Всеволод!

Всеволод (*медленно*). Нет, это не то, Иваныч. Но помнишь, ты сказал тогда, что жизнь прекрасна? Она не прекрасна, но... В эти две ночи, когда я ходил по двору или по саду, в темноте, или был около отца, я очень страдал, что ли, но... Нет, потом.

Поднимает голову и широко и медленно оглядывается. Улыбается слегка.

Вон Васькина западня. Открыта. Должно быть, ничего не попало. Так иди, Иваныч. Нет, погоди. Вот еще что, потом не знаю, как скажу. Я относительно Зои.

Нечаев. Оставь, Сева, не надо! Какая теперь... Зоя!

Всеволод. Зоя по-гречески значит – живая, живущая, я сейчас только сообразил.

Нечаев (*бормочет*). Не знаю, может быть... Не надо, Сева, мне больно.

Всеволод. Не будь таким ребенком, Корней. Зачем

скрывать? И смущаться не надо. И раз мы решили остаться, то вот я хотел тебе сказать: Зоя осенью едет в Москву. Переведись и ты, и...

Нечаев (*слегка бьет себя в грудь*). Но мой Бог, мой Бог мне этого не позволит. Не надо, Всеволод!

Всеволод. Нет, надо, Иваныч.

Нечаев. И как же ты... и как же я... Чушь, опять все то же мое скотство. У тебя скончался отец, ты и так ограблен, ты и так лишен... а тут еще я стану отнимать! И я только потому слушаю тебя, что ты в таком сейчас состоянии, но – не надо, Сева! Если бы еще ты совсем ее не любил...

Всеволод. Я ее не люблю, а она тебя любит, мне так показалось, давно уже. Ну, не надо больше, только знай. Дай руку.

Нечаев (*крепко и долго жмет руку*). Сева, я верю тебе, что ты это делаешь не из презрения ко мне, но мой Бог, мой Бог! Но вы все, вы все зовете меня на мерзость, и я, кажется, действительно подлец. – Ну, ну, не обращай внимания, я пойду. – А ты приляг, голубчик, миленький ты мой, Севочка, друг ты мой, красота ты моя! Дай же я тебя поцелую.

Целует Всеволода и потом отчаянно машет рукой. Оправляется и говорит деловым тоном.

Значит, до вечера, Всеволод. Ты тут будь спокоен, я сейчас зайду посмотреть, как там Александра Петровна. Как парит: опять гроза будет. До свидания.

Всеволод. До свидания, Иваныч. Я буду ждать тебя. Если там что-нибудь, то скажи... мне правда хочется здесь отдохнуть.

Нечаев. Будь спокоен.

Уходит, сдерживая треньканье шпор. Всеволод один. Расстегивает китель, широко и как бы с удивлением оглядывается. Медленно подходит тетя Настя, молча, в своей обычной позе, останавливается перед Всеволодом, молча смотрит на него.

Всеволод. Ну, что, тетечка? Устали вы сегодня с народом.

Тетя. Ничего.

Всеволод. Посидите со мной.

Тетя *(не садясь)*. Ничего. Всеволод, сказал бы ты Петру, чтобы он прививки перевязал: я сейчас три уже подвязала, а один сломался. И рамы от парника так и брошены.

Всеволод. Хорошо, тетя, я скажу.

Тетя. Так и валяются, а они денег стоят. Там на террасе дядя и Иван Акимыч чай пьют, ты не пойдешь?

Всеволод. Нет, мне туда не хочется... или надо ид-

ти?

Тетя. Зачем это надо, и одни посидят. Так я тебе сюда принесу. Всеволод, а я через девять дней хочу в Севск, я уже Прасковье написала.

Всеволод. Да что вы, тетя! Зачем?

Тетя. А кому я тут нужна? Коле я нужна была, а вам я зачем. Нет уж. Семья у тебя большая, тебе теперь и так будет трудно, а тут еще я на шею сяду. Слава Богу, работать еще могу.

Всеволод быстро встает и крепко, с нежностью обнимает и целует слегка отворачивающуюся тетку.

Всеволод. Да что вы, тетя, да как же вы могли подумать! Ах, ты чудачка какая! Ах, старушка моя глупая, старушечка... Да вы мне теперь в тысячу раз дороже еще стали, чем... И разве я не его сын? Тетя?

Плачет, закрывая глаза. Тетя также молча и открыто плачет, не скрывая лица; потом аккуратно вытирает слезы и говорит.

Тетя. Ну, значит, дура я. Как Саша? Я ее сегодня весь день не видала.

Всеволод. Ничего, хорошо. С ней Надя.

Тетя. Ну, я пойду, Севочка, надо комнатами заняться. Платить всем ты сам будешь или мне поручишь? Давай уж мне, а то тебя еще обманут.

Всеволод. Хорошо, тетя.

Показывается Вася. Сперва идет быстро, но у скамейки замедляет шаги и скромно садится на край. Одет в полотняную парочку, ременный с бляхой пояс, за который он часто беретя руками.

Тетя. Ты что, Вася?

Вася. Я так. Пришел. Тут можно мне?

Всеволод. Можно, Васюк, посиди.

Тетя. Сева, тебе кто креп делал?

Всеволод. Не знаю, кажется, Надя.

Вася. Мне тоже Надя делала.

Тетя. Надо было мне этим заняться, да уж... стара я стала. Я сейчас чаю принесу, посиди, попей. Колечка тут любил чай пить.

Всеволод. Да зачем вы сами? Вон Васюк принесет.

Вася. Я принесу, только скажите что.

Тетя. Ну, сиди, сиди, егоза. Тоже – герой! Принесу!.. Ты его так принесешь, что одни черепки останутся. Сиди уж!

Медленно уходит.

Всеволод. Васюк, пойдй сюда, сядь. (*Обнимает его и голову прижимает к своему боку.*) Хорошо у нас в саду? Тебе нравится?

Вася. Нравится, а тебе?

Всеволод. Мне тоже. Это твоя клетка, ничего не попало.

Вася. Я знаю, что ничего. Сева, а тебе жалко папочку?

Всеволод. Жалко, Васючок.

Вася. А отчего ж ты не плакал?

Всеволод. Так. Не все могут плакать.

Вася. Я тоже не плакал. Сева, а ты теперь меня любишь?

Всеволод. Люблю, милый, очень люблю.

Всеволод целует его.

Вася. Папочка говорил, что меня надо больше целовать, чтобы я скорее рос большой. Это правда, что от этого скорее человеки растут?

Всеволод. Правда.

Вася. Как от воды? Сева, как от воды? Ты что молчишь, Сева? Как от воды?

Всеволод. Да, как от воды.

Молчание. Всеволод обнимает Васю, так сидят.

Вася. Сева, посмотри-ка!

Всеволод. Что посмотреть?

Вася. Бляха на поясе. Как блестит, ты видишь? Какая чистая!

Всеволод. Да, очень чистая.

Вася. Это я ее сегодня кирпичом начистил. Какая чистая! Сева, а мне надо весь день обувши ходить?

Всеволод. Нет! Чего ради? Разувайся себе, жарко.

Вася. Хорошо. Я потом разуюсь. Может быть, завтра разуюсь, а, может быть, сегодня...

Сидят молча в той же позе.

Четвертое действие

На Н-ском вокзале. Время – после десяти часов вечера. Отдаленная боковая платформа, тускло освещенная редкими фонарями; ближняя часть платформы крытая... В темноте смутно намечаются пути: десяток белых и зеленых, рассеянных по пространству огоньков, ряд узких освещенных окон какого-то станционного здания, должно быть, мастерских. Над зданием – высокая труба, из которой время от времени выбиваются искры. Еще какие-то смутные силуэты. Дальние станционные огоньки почти смешиваются с низкими яркими звездами августовского неба – туда уходит дорога. Тихо, лишь редкие, негромкие свистки, рожок стрелочника, пыхтение пара. Один раз где-то сбоку проходит поезд. На пустынной платформе со стороны вокзала показываются трое: Катя, Столярова и Василий Васильевич, статистик.

Катя. Ну, и тут нет. – Темень какая!

Василий Васильевич. Значит, еще не приезжали. До поезда долго еще ждать.

Катя. Столярова, ты утомилась?

Столярова. Нет, не особенно.

Катя. А меня, матушка, и ноженьки не держат. Сядем-ка да посидим – ох, Господи! И говорила ведь: взять бы извозчика, и так бы превосходно втроем доехали, а то на тебе – пешком. Василь Василич, отойдите-ка.

Василий Васильевич (вставая). Куда?

Катя. А вон туда – нет, нет, подальше. Стойте там и сюда не смотрите. Стойте!

Василий Васильевич. Стою.

Столярова. Ты что, Катя?

Катя. Посмотри-ка, Женька, у меня тут раскололось... Нашла?

Столярова. Нашла. Погоди, не вертись.

Катя. Не успела сегодня дошить, у меня тут все на булавах. А дорогой вдруг чувствую: матушки, поползло! Ну? В тело булавку не вонзи.

Столярова. Ну, вот еще. А ты толстая, Катька.

Катя. Толстененькая. Столярова!

Столярова. Ну?

Катя. Ты видала вчера в саду, как я на него пялилась?

Столярова. На кого?

Катя. На него! На него – на миленького моего. Не заметила – да н-ну? Ой, не щекочи... Женька, да ты, матушка, спятила?

Столярова. Готово. Врешь ты все.

Катя. Вот тебе крест – не вру! И такой он миленький, и такой он одиноченький, и такой он благородный. Меня даже тошнит. Пстой... *(Громко.)* Василь Василч!

Василий Васильевич *(оборачиваясь)*. Что?

Катя. Ступайте-ка на вокзал, посмотрите, не приехали Мацневы. Мы тут посидим. Ступайте, ступайте, не задумывайтесь. А тогда скажите: слышите?

Василий Васильевич *(уходя)*. Слышу.

Столярова. Ая ничего и не заметила, какая ты. Нет, ты правда?

Катя. Что уж! Сегодня всю ночь, как дура, в подушку редела. И опять реветь буду, чует мое сердечушко... бедная Катюшенька! И просохнуть не успеваю, вот как, Столярова, любят-то по-настоящему. Ты не смейся, матушка, и тебе то же будет, погоди!

Столярова. Врешь ты все.

Катя. Кабы врала... А тут этот еще навязался, вот дурак, вот дурак! Да неужто ж ты и этого не видала, как он сцены мне вчера закатывал?

Столярова. Ей-Богу, не видала! А что?

Катя. А глаза-то выворачивал? А когда домой провожал, так грозиться вздумал: хочет предложение сделать. Такой-то!

Столярова. Ты его отпой.

Катя. Я его так, голубчика, отпою! – Для него, по-

думаешь, цвела я, расцветала – как же!.. – Ну и что же это не идут, Господи батюшка! И полюбоваться-то не придется в остатний разочек, разнесчастливая я Катюшенька. Столярова, ей-Богу, меня тошнит! Вот эта любовь, Женька, а? – ей-Богу, тошнит, так и подкатывает!

Столярова. Пойдем воду пить.

Катя. А прозеваем? Сиди уж. *(Напевает.)* «Ах, зачем порой – вижу траур в них по душе моей – вижу пламя в них непобедное – сожжено мое сердце бедное!..»⁶

Столярова. Идут сюда, кажется. – Да, они, Мацневы.

Катя. И впрямь идут. Столярова, возьми руку, жми – крепче, крепче! Идет, голубчик, идет! Идет, миленький, идет!

Столярова. Катька, перестань!

Катя. Сейчас еще зубами ляскать начну! Аа-авв-ав... идет! Кто это с ними, смотри ты, я ничего не вижу! Зойка, кажется, – успела, змея!

Столярова. Зои нет. Пойдем навстречу. Там Александра Петровна и тетя.

Катя. Один конец – идем. – Голубчики, кажется,

⁶ «Ах, зачем порой – вижу траур в них...» – отрывок из популярного «цыганского» романа, песенного варианта стихотворения Е. П. Гребенки «Черные очи» (1843).

опять блузочка моя поползла, вот грех! Ну, идем, идем!

Чинно идут навстречу показавшимся Мацневым. Тут все они: сама Александра Петровна, тетья Настя, Всеволод и Надя. Все одеты по-дорожному, но в черном. Александра Петровна держит за руку Васю – он в длинном, на рост, гимназическом пальто, картуз все время слезает на нос. С Мацневыми провожающие: Котельников, Нечаев; тут же и Василь Василич. Катя и Столярова здороваются, Катя старшим и Всеволоду чинно приседает.

Здравствуйте, Александра Петровна! Здравствуйте, Всеволод Николаевич. А мы уж бояться стали, что вы опоздаете.

Котельников. До поезда еще час.

Александра Петровна. Ну, и хорошо, что час: лучше пораньше, чем опаздывать. Да не дергайся ты, Вася, все равно не пущу: под поезд попадешь!

Всеволод. Посидим здесь, господа. Вон скамейка.

Александра Петровна. Боюсь я... Тетья Настя, а какой номер у нашего носильщика?

Тетья. Да не хлопочи ты, Саша, сиди! Все устроят и без тебя, сиди.

Александра Петровна. Будет он искать нас, а мы

тут... Только тут будь, Вася, слышишь: чтобы я все время тебя видела.

Все садятся в ряд на длинной скамейке. Котельников и Нечаев стоят.

Молчание. Вот мы и поехали! Сева, а когда-то Бог приведет нас сюда? Может, и никогда.

Всеволод. Приедем как-нибудь. Иваныч, папироску?

Нечаев. Береги на дорогу, у меня есть. Закуривают. Молчание.

Надя. А какой вечер теплый! В Москве, должно быть, холоднее. Катя, вы пешком сюда?

Катя. Пешечком. Мы и назад пешком пойдем.

Александра Петровна. Нет, не могу... Вася, иди сюда! Ходить по краю, – а вдруг поезд пойдет? Точно маленький! Вот – сиди.

Котельников. Тут редко поезда, с этой платформы. Надежда Николаевна, а когда Зоя Николаевна в Москву?

Надя. Не знаю, наверное... кажется, через неделю собиралась.

Котельников. Значит, вместе поедem. Я тоже, так через недельку.

Александра Петровна. Вася, куда ты? Опять!

Катя. Вы не беспокойтесь, Александра Петровна, я его за руку держу. Тебе не жарко, Вася?

Вася. Жарко.

Александра Петровна. Расстегнись немного, пойди сюда, я посмотрю.

Нечаев. Васька!

Вася. Что?

Нечаев. Ты рад, что в Москву едешь?

Вася. А то, конечно.

Тетя. Герой! В багаже бабки его везу, такой бенефис нам устроил, что брать не хотели!..

Смеются.

Нечаев. А сада жалко, Васюк?!

Вася. Нет.

Нечаев. А в Москве сада-то не будет?

Вася. Я там марки собирать буду. Сева!

Всеволод. Что, Васюк?

Вася. Ты видал, какую собаку большую тоже в Москву везут? С намордником на морде. И три охотника с ней, с ружьями. Сева, а патронов у них много?

Всеволод. Много. Куда ты, мамочка? Рано еще!

Александра Петровна (вставая). Нет, не могу я тут. Вы посидите, только не опоздайте, а мы с Васей пойдем. Пойдем, тетя, а то будет он искать с билета-

ми... Багаж-то ты весь сдала?

Тетя (*также вставая*). Ну, и лотоха⁷ ты, Саша!

Александра Петровна. И лица его я не помню – и как это они скоро: налетел, подхватил, чуть самое с ног не сбил – и был таков. Теперь ищи его по вокзалу!

Тетя. Да чего искать, сам придет. (*Останавливается, заложив руки в бока.*) Ах, батюшки, а корзиночка?

Александра Петровна (*также останавливаясь, в испуге*). Какая? Настя, какая? Да не пугай ты меня!

Тетя. Постой, куда я ее?.. (*Идет.*) Ну, идем, цела. С тобой, Саша, голову потеряешь! Идем, идем, все цело.

Идут.

Катя. А не легко ли вам, Всеволод Николаевич, всем домом подыматься? Жили-жили, и вдруг на тебе!

Всеволод. Да, не легко. Волнений много.

Надя. Мама ведь ни разу за всю свою жизнь из города не выезжала, а теперь сразу – в Москву! И тетя тоже.

Всеволод. Но странная вещь, Иваныч, я думал, что старухи наши больше будут жалеть о доме, даже боялся несколько... но нет! Столько жили, и другого ни-

⁷ Лотоха (диалект.) – от «лотошить» – суетиться, торопиться.

чего ведь не знали, казалось, как деревья в землю
вросли... и ничего!

Нечаев. Ничего?

Всеволод. Поплакали, конечно, но представь: да-
же в сад сегодня не зашли!

Надя. Мы сегодня на кладбище ездили.

Всеволод. Да. И больше того: какое-то любопыт-
ство у них, особенно у матери, даже нетерпение: по-
скорее ехать. Вначале мать за каждую вещь хвата-
лась, непременно с собой брать, а теперь даже необ-
ходимое оставляет – там новое будет! Новое!

Катя. И вы, Всеволод Николаевич, очень измени-
лись.

Всеволод (*улыбаясь*). Что – разговорчивее стал?

Катя (*выразительнее*). Очень! Очень.

Котельников. Везде люди живут. А вас, Катерина
Алексеевна, отец так и не пускает в Москву?

Катя. И не говорите, голубчик, не отец, а варвар.
Ремингтон⁸ мне купил, чтоб я хлеб себе зарабатыва-
ла, вчера весь Божий день с самого утра писала:
его превосходительству, его превосходительству! Ну,
да я, Бог свят, к Рождеству удеру.

Василий Васильевич (*не без ехидства*). По шпа-
лам?

Катя. А и по шपालам – ходят же люди, эка напугал!

⁸ Ремингтон – марка пишущей машинки.

Я теперь обмороки учусь делать: ах, ах, ах! Вчера на-
шу кошку до смерти напугала.

Столярова (*убежденно*). Она удерет!

Катя. Удеру. Позаймусь немного, а потом такую ис-
терику ему закачу, что все зубы растеряет. Василь Ва-
силия! Пожалуйста, не смотрите на меня так мораль-
но!

Столярова. Вас зовут, Всеволод Николаевич.

Тетя издали зовет: Севочка!

Тетя. Сева, пойдди на минутку!

Всеволод подходит.

Севочка... а, может, мне не ехать?

Всеволод. Почему? Что вы, тетечка!

Тетя. Один тут Колечка останется. И панихидку от-
служить некому. Осталась бы я, Сева.

Всеволод (*горячо*). Да как же можно, тетечка! Ведь
сам папа, будь он жив, послал бы вас с нами! Как мож-
но!

Тетя (*думает*). Да и билеты-то уж взяты... Ну, зна-
чит, дура я. Ну, иди, а я пойду багаж устраивать.

Медленно, руки держа в бока, уходит. Всеволод

возвращается к сидящим, но сам не садится.

Надя. Севочка, что тетя?

Всеволод. Так, свое.

Молчание.

Катя. Господи батюшка – и сколько тут этих путей-дороженек, и туда идут, и сюда идут! Столярова, слышишь, как дорогой пахнет? Я сегодня всю ночь буду во сне ехать... Эх, счастливый вы, Всеволод Николаевич! Вот вы поедете, а мы домой с Василием Васильичем пойдем... и будут улицы темные, и будут на нас собаки брехать, а кавалер-то у нас такой, что и отбрехнуться не умеет. Дорога-дороженька, когда-то я по тебе поеду!

Всеволод. У меня с самого детства особенная какая-то любовь к дороге. Помню я...

Котельников. Это у всех русских так. Поезжайте по нашим станциям и поглядите: сколько народу сидит и на рельсы смотрит.

Всеволод. Не знаю, но с самого детства все, самое для меня важное и дорогое, связано с железной дорогой. Иваныч, помнишь?

Нечаев. Помню.

Всеволод. И этот запах, о котором вы сказали, и

свистки, и огоньки эти... Ведь знаю, куда ведет дорога, и сам по ней ездил, а все кажется, что нет ей конца, что там вот, за этой линией и огоньками, где темнота и звезды...

Нечаев. Всеволод, мне надо с тобой поговорить. Извини, что перебил.

Катя. Вот некстати! Уж и ненавижу я этих друзей – не могли раньше наговориться, Корней Иванович! Куда же нам теперь – под поезд?

Всеволод. Мы недолго.

Надя. А мы, Севочка, к маме пойдем, она там, наверное, беспокоится. Дайте мне руку, Иван Алексеич.

Котельников. Пожалуйста. Вы также волнуетесь, Надежда Николаевна.

Идут.

Катя (*почти со слезами*). Василь Василя, ну, что ж вы стали? Шагайте, шагайте, а руки вашей мае не надо. Столярова, идем, матушка, на *рельсы* смотреть, так, говорят, на всех станциях делается. – Корней Иванович!

Нечаев. Слушаю!

Катя. Мы скоро вернемся – слышите?

Уходят. Платформа пуста. Молчание.

Всеволод. Что с тобой, Иваныч?

Нечаев. Извини, Всеволод, что я очень не вовремя... у тебя семья и вообще отъезд... Может быть, мы отложим разговор? Правда, я лучше напишу тебе.

Всеволод. Я сам сегодня хотел говорить с тобой, ждал тебя весь день, но ты так и не показался. И скажу правду, Корней: мне было очень горько. Что бы там ни было дальше и впереди, но с тобой связано лучшее в моей жизни и самое дорогое... и я так ждал тебя, так волновался!

Нечаев. Почему ты сегодня так ласков со мной? Мне казалось, что ты уже перестал меня любить.

Всеволод. Бог с тобой, Иваныч! Я и прежде любил тебя, но то было другое, злое, как и все тогда, а теперь! Сегодня я любил всякого встречного офицера, только потому, что на нем вот такая же форма. И теперь только одно меня радует, что скоро мы снова будем вместе, в Москве. Ах, Иваныч, Иваныч!

Нечаев. Я еще не знаю, Всеволод. Я в Москву не перевожусь.

Молчание.

Всеволод. Я этого не знал. Но неужели – опять Зоя Николаевна? Так. Она что-нибудь тебе сказала? Ну...

не любит?

Нечаев. Она любит тебя, Всеволод. Ты и этого не знал?

Всеволод (*помолчав*). Нет. Может быть, догадывался... не знаю. Нет.

Молчание.

Нечаев. Это и естественно: кого ж ей любить, как не тебя? Меня? Но ты знаешь, что и кто я такое – подпоручик Нечаев. Не в том дело, голубчик. Конечно, печально, что девушка, которую люблю, отказала мне, но не в этом дело, как это ни плохо. А в том, что два месяца я жил в низости: как прирожденный подлец, я забыл все высокое в жизни, я забыл нашу святую дружбу, нашу гордую мужскую дружбу, которой им ввек не понять, – и все возложил на проклятый алтарь этой любви... так, кажется, говорится? Ну, да все равно, так или не так, ты понимаешь. Подлость, подлость, жалкое ничтожество души! Я Бога своего забыл, Всеволод. Ты ждал меня сегодня, а мне было стыдно показаться на твои глаза, клянусь моим Богом, стыдно! Ведь это же я вру, что ты охладел ко мне, дурака валяю, – я сам, сам изменил тебе, черт! Э, да что!

По платформе проходит стрелочник, спрыгива-

ет и скрывается где-то на путях. Молчание.

Жить надо мужественно и сильно. Жить надо для подвигов, для высокой дружбы, для гордой жертвы, – а куда я лез? Черт знает что, мерзость какая! Но ты силен и горд – и ты не поймешь этого, да и не надо понимать.

Всеволод (*медленно*). Нет, я что-то понимаю. Странно, странно.

Нечаев. Но своим честным отказом – слушай, Всеволод! – она разбудила меня! Сейчас мне стыдно, как собаке, которая украла мясо, но вот здесь, во мне, растет та-а-кое!.. Не буду болтать, я и так слишком много болтал, но клянусь тебе моим Богом, Всеволод: на этом разрушенном месте ты когда-нибудь увидишь человека!

Всеволод (*раздумчиво*). Как и на этом разрушенном месте ты тоже когда-нибудь увидишь человека. Ах, Корней, Корней!

Нечаев. Я тебя не совсем понимаю сейчас, но одно я понял и никогда не забуду: жить надо мужественно и сильно!

Всеволод. Ах, Иваныч, Иваныч, какая странная и какая жуткая вещь – жизнь! Если, по твоим словам, ты был подлецом, то чем был я тогда, помнишь, на полотне? И нужна была смерть – смерть любимейше-

го человека, отца, чтобы я также что-то понял. В этом есть что-то чудовищное, об этом просто страшно думать, но свою смертью он дал мне жизнь!

Нечаев. Ты очень изменился, Сева.

Всеволод. Я изменился! Что об этом говорить! Но как я ему об этом скажу – ведь моей любви он не видал и никогда не увидит! А они, мать и остальные, разве мою любовь видали? А ты? Вчера я был у него на могиле – один – и как я, брат, плакал! А где все это было раньше? Где был я сам?

На платформе показываются господин и дама в вуали. Видимо, сдерживая себя, господин говорит.

Господин. Я этого не позволю.

Дама. Сомневаюсь.

Господин. А я вам говорю, что не позволю!

Дама. Тогда лучше совсем оставить этот разговор.
Довольно.

Господин. Вы чего же хотите от меня?

Дама. Тише! Там сидят. Который теперь час?

Оба круто поворачивают назад, молча уходят.

Нечаев. Ты говоришь, где был ты, Сева, нет, а ты скажи мне, где был я вот эти дни? Все возложил на

алтарь, а? Теперь вот ты говоришь, а я слушаю и все время смотрю на эти пути: Боже мой, какой простор! Как много дорог, какое счастье просто, что можно сесть и куда-то ехать, ехать – ехать, ах, черт бы меня побрал, подлеца!

Всеволод. Собственно говоря, я и сейчас не знаю, в чем смысл жизни и так далее, но это уже не волнует меня, как будто даже так надо, чтобы я пока этого не знал. Но чувствую я себя... как бы сказать... ну, как солдат, шагающий в шеренге других солдат, и знаю – что надо идти – что будет какое-то сражение – что близко враг и надо быть наготове... Понимаешь?

Нечаев. Это я понимаю. Ах, Сева, вот это я понимаю! Велено – и иди. А генералом будешь, сам все узнаешь, верно? Тогда сам других поведешь, – верно?

Всеволод. Верно. И мне теперь так жаль той любви, которая была во мне и которой я никому не давал, что я боюсь, просто боюсь потерять хоть маленький росточек, я... Иваныч, а что, если я тоже люблю Зою Николаевну, ведь это очень возможно. Очень.

Молчание. Тебе больно?

Нечаев. Что за боль! Говори.

Всеволод. До смерти отца я и этого не знал, да и теперь... Понимаешь, я сейчас даже не могу припомнить ее лица, я совсем не знаю ее, какая она... Но вот услышу я ее голос или просто почувствую, что она

недалеко, – и во всем откроется такой необыкновенно радостный смысл. Рельсы запахнут сильнее...

Нечаев. Знаю, испытал. Огни станут ярче – еще бы! Испытал я, знаю. Но, Всеволод, Севочка, – не надо.

Всеволод. Ты думаешь?

Нечаев. Не надо! Твой Бог накажет тебя, как и меня наказал – не надо. Сегодня я ужасно боялся разговора с тобой, просто стыдно было показаться с такой оплеванной харей, но ты отнесся ко мне как человек, как друг – и я заклинаю тебя, не надо. Поверь моему горчайшему опыту, заклинаю тебя, не надо. Поверь моему горчайшему опыту, моему стыду и позору! Жить надо мужественно и сильно, иначе тебя накажет твой же Бог. Севочка, дорогой мой, как я это понимаю! Люби ее, как и я люблю, чти свято свою любовь и плачь ночью, как я, брат, плакал, но не касайся лепестков. Облетят.

Всеволод. Ты думаешь?

Нечаев. Севочка, ты человек умный и развитой, вспомни: видел ли ты на свете мужчину, у которого не было бы своей женщины? Верно? А теперь скажи, а друзей, как мы, ты много видал? Ты можешь даже жениться на ней, и, конечно, я тебя не оставлю, но ты сам, от стыда одного, оставишь меня. Факт, Сева, факт! Извини, что я как будто учу тебя, я не имею на это ни малейшего права, но – факт, Сева, факт.

Молчание. На платформе показываются Катя и Столярова. Катя издали кричит:

– Еще не кончили, господа? Пора уж! Александра Петровна беспокоится, и там Зоя с Корневым пришла, дядя с доктором приехал.

Всеволод. Мы сейчас, скажите. Одну минуту.

Катя. Нельзя же так!

Уходят.

Нечаев. Вот и эта Катюшенька наша, разве она не достойна любви? Как еще достойна-то, но... Нет, подумать только, до какой низости, до какого свинства я дошел! Что со мной случилось? И за каким чертом мне понадобилось, чтобы она тоже любила меня? Ерунда какая! Но ты молчишь, Сева.

Всеволод. Думаю. – Да, ты прав, Иваныч.

Нечаев. Нет, ты серьезно? Послушай – ты серьезно? Нет, лучше сейчас даже не говори, потом. Обдумаешь и напишешь, потом, потом.

Всеволод. Это во мне не было Бога, а в тебе Он всегда есть и был.

Нечаев. Нет, ты не шутишь? Что ты говоришь! После этого? Невозможно, что ты говоришь! Я же был

подлецом, Сева, форменным, понимаешь. Это глупо, и вообще я дурак, но, Всеволод, поклянись мне, что ты не издеваешься, что ты хоть немного... уважаешь меня, Сева?

Всеволод. Уважаю. И я так рад, так счастлив, Иваныч!

Молчание. Нечаев встает и говорит с некоторою торжественностью.

Нечаев. Ну, так слушай, Мацнев, вот что я тебе скажу – слушай и запомни. Если ты будешь когда-нибудь на краю земли и будешь болев, шли будет у тебя горе, или какой-нибудь подлец обидит тебя – позови меня. И если когда-нибудь случится так, что слопает тебя жизнь и ты попадешь в какую-нибудь грязь и станешь сволочью – позови меня, и я лягу в лужу рядом с тобой, сочту за честь. И если когда-нибудь ты вздумаешь умереть, то знай, Мацнев, один по этой дороге ты не пойдешь! Ручаюсь тебе в этом моим честным словом и – клянусь. Молчи! Да святится имя Его! Молчи! А сегодня я поеду провожать тебя до полдороги и будем говорить как черти, а завтра подаю о переводе в Москву. Факт!

Всеволод. Но неужто поедешь? Ах, Иваныч, Иваныч, ну, что ты за дикая фигура! И ты еще смеешь

говорить о каком-то ничтожестве... действительно, осел!

Нечаев. И это факт, и все факты и ну их, наконец, к черту, Севочка, но что это странное делается со мною: мне опять захотелось дать Горбачеву по роже?

Всеволод Кто это – я его не знаю?

Нечаев. Нет, ты его не знаешь... ну, да ладно, не в том дело. Нет, ты посмотри, сколько дорог, – и чтобы хоть по одной я не поехал из этой чертовой дыры? Но спокойствие, спокойствие, как говорит Гамлет, и тебе осталось всего двадцать пять минут. Идем, Сева!

Всеволод. Идем, тебе надо еще билет! Мы будем стоять на площадке, ладно, Корешок? Но все-таки – какая же ты дикая фигура, вот дикая фигура. Да не беги ты как сумасшедший.

Нечаев. Стой! Ни шагу дальше! – Ну? Ты и сам фигура, но слушай. Сева, осаживай ты меня! Как только начну заноситься, как только почувствуешь, что начался излияния, – бери за шиворот. Пожалуйста! Есть во мне что-то бабье – нет, пожалуйста... Так, дождалась, вон и наши. Идем.

Всеволод. Идем.

Через несколько шагов встречаются со всеми и смешиваются в беспорядочную толпу едущих и провожающих.

Катя. Свинство, Корней Иванович, свинство!

Александра Петровна. Да что же ты, Сева! Уже первый звонок был, идем. Там дядя с Иваном Акимычем, в буфете вино пьют, тебя спрашивали! Идем, пожалуйста. Тетя, ты где?

Тетя. Да успеется, Саша, не лотоши ты, Христа ради.

Катя. Уж мы ждали, ждали. Свинство, Корней Иванович, – и всем хочется провожать, не одному вам.

Зоя. Здравствуйте, Всеволод Николаевич. Мы опоздали немного.

Корнев. Извозчика не *было*, полдороги пешком прошли...

Катя. А мы всю дорогу пехом перли, да и то не жалеемся. Всеволод Николаевич, вот это вам цветочек, а откуда, не скажу! Давайте приколю.

Столярова. Да в вашем же саду сегодня я нарвали. Хитрая Катюшенька!

Котельников. Осени поздней цветы запоздалые...⁹

Катя (*держит булавку в зубах*). Не войте – зареву. Ну, вот и хорошо.

Всеволод целует ей руку, приводя ее тем в край-

⁹ *Осени поздней цветы запоздалые...* – строка из романа «Ночи безумные».

нее смущение.

Александра Петровна. Да идемте же, – ей-Богу, опоздаем. Можно и там попрощаться.

Вася. Сева, пойдём, а то поезд уйдёт.

Всеволод. Идем, идем, Васюк. Надо тебе бумаги в фуражку подложить.

Вася. Я уже подложил.

Тетя. Это я его вчера на дорогу догола оболванила!

Вася. Идем, Сева. Скорей! Идут.

Василий Васильевич останавливается и говорит нерешительно:

– Господа! Позвольте мне...

Катя. Что еще там?

Василий Васильевич молча достает из-под полы бутылку шампанского и штопор. Смех. В стороне остановились двое, по-видимому, железнодорожных рабочих, смотрят.

Да неужто ж сам придумал! Вот смехота!

Александра Петровна. Да что вы это, Василий Васильич, да когда же нам теперь пить шампанское! И стаканов нет. Вася, не лезь, не видал, как бутылку от-

купоривают!

Корнев. А это что?

Он и тот же Василь Васильич тащат из карманов стаканчики, обернутые бумажкой.

Катя. Так это вот кто придумал! А я уж удивляюсь!..

Корнев. Нет, честное слово, это Василий Василич. Скорее, Василь Василич, а то жандарм пойдет. Господа, берите!

Надя. Мамочка, на. Тетя, вы что ж?

Все берут стаканчики, пьют. Молчание. Вася что-то шепчет матери.

Александра Петровна. Нет, нет, рано тебе еще шампанское. Ну, на, из моего стакана, видишь, какая гадость!

Нечаев (*громко поднимая стакан*). Господа, вопреки принятому обычаю мой первый тост не за едущих, а за остающихся: Катеньку и Василь Василича!

Катя. Типун вам на язык – тьфу, тьфу! Еще бы за «ремингтон» выпил!

Нечаев. А второй бокал мой – за дружбу... Сева, осаживай, и потом третий, с вашего позволения, за меня и мой скорейший отъезд в Москву!

Вдали остановился жандарм. Еще две-три железнодорожных фигуры из пассажиров думают, что свадьба.

Надя. Еще куда? Столярова, слышишь, матушка?

Нечаев. Факт. Перевожусь и еду, а если откажут, выхожу в отставку и иду по шпалам. Катенька, а что, если нам соединиться? Натуры мы одаренные, имеем слух – и голос, купим шарманку и в Москве под окнами... А? Идет?

Катя. Идет!

Нечаев. Катенька, вашу руку. Покажем образец? Исполним? Есть?

Катя. Есть!

Катя и Нечаев (*становятся рядом и поют, он вертит ручку воображаемой шарманки*).

Движение, смех, голоса, перебивающие друг друга. Жандарм в сомнении, но улыбается, так как поет офицер.

Александра Петровна. Сева, скажи им, они с ума сошли. Вася!

Котельников (*подпевает, ловя незнакомый мотив и слова*).

Тетя. Герои.

Корнев. Bravo! Bravo!

Александра Петровна. Вася! Сева! Надя!

Катя и Нечаев (*поют*).

Шумной, поющей и говорящей толпой подвигаются к выходу с платформы, скрываются, но некоторое время еще слышны пение и смех. Тащутся за ними и зеваки. Тихо. Двое рабочих, стоявших в стороне, подходят к скамейке и садятся.

Первый. Вино пили.

Второй. Пили. Ты нонче дежурный?

Первый. Я, и завтра я же. Эх, мать честная, курнуть нету?

Второй. Нету.

Первый. Тут офицер папироску бросил, где она тут?

Второй. Брось, ногами затоптали. Не ищи.

Первый (*нашел и рассматривает окурки*). И то, растоптали.

Дальний звонок. Где-то свистнул паровоз. Тишина.